

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ САЛТОВСКОГО ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БОРШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЬЯ

Восточноевропейская лесостепь практически во все исторические периоды была контактной зоной оседлых земледельческих народов и кочевых (полукочевых) скотоводов, создавая причудливое переплетение элементов материальной и духовной культур. Не является исключением и раннее средневековье. Особенно показателен в этом плане конец I тысячелетия н.э., когда северными соседями многоэтничного Хазарского каганата были восточные славяне – племена роменской (сер.VIII – I-я пол. XI в.) и боршевской (VIII – нач.XI в.) археологических культур. Первая из них, ассоциирующаяся с летописными северянами, занимала значительные территории левобережного Днепровского Полесья в пределах современной Украины и сопредельных областей России, а также на Северском Донце. Памятники второй из упомянутых групп занимают правый берег Дона в его верхнем и среднем течении, а также правый берег р.Воронеж (левый приток Дона).

Синкретизм керамического комплекса

Для явлений материальной и духовной культуры контактных зон, в том числе и названных выше, характерен синкретизм (от греческого – *synkrētismós*) – смешение, слияние разнородных элементов в нерасчлененное целое (Синкретизм, 1976, с.421). Относительно археологического материала мы понимаем синкретизм как смешение, слияние отдельных элементов, свойственных различным этносам с их технологическими, типологическими, морфологическими и художественными (орнаментальными) традициями. Синкретика может проявляться в домостроительстве и создании интерьера жилища, фортификации, в производственной деятельности и организации быта, в художественных изделиях и культе. Каждый из указанных аспектов может и должен быть предметом отдельного исследования, в данной же работе мы считаем возможным обратить внимание на проявления синкретизма в керамическом производстве.

Одним из наиболее массовых видов материальных источников являются керамическая посуда и ее остатки, которые часто составляют до 90%

артефактов на раннесредневековых поселениях. В связи с массовостью производства посуды и относительно коротким временем существования этих предметов, что объясняется их достаточной хрупкостью, эта группа находок уже давно считается важнейшей категорией археологического материала, которым оперируют исследователи большинства периодов ранней истории человечества. Это находит свое выражение в том, что именно по отношению к керамике в археологии используется максимально возможное число приемов и методов анализа (Кожин П.М., 1989, с.54-60). Кроме того, керамика всегда была сложным хозяйственно-культурным явлением, отражающим уровень развития технологии и производственных навыков, мировосприятия и эстетических воззрений. Именно это во многих случаях лежит в основе того, что керамика является одним из главных критериев при выделении этнических групп древности. Она же в силу своей массовости зачастую служит не только этническим, но и хронологическим репером.

Исходя из сказанного выше, раннесредневековая керамика представляется одним из важных объектов в исследовании этнокультурных процессов. Особенно показательной она является на памятниках контактных зон, где в большей степени, чем на условно “центральных” (материнских) этнических территориях, проявляется ее синкретизм.

В керамическом производстве это выражается в технологии изготовления сосудов, их форме, типологии и орнаментации. Исследование проявлений синкретизма в керамическом комплексе отдельных общностей и конкретных памятников можно проводить, как минимум, на двух уровнях. Их условно можно определить как *макроуровень* и *микроуровень*. Для каждого из них присущ свой объект исследования.

Макроуровневый анализ направлен на изучение керамического комплекса в целом (поселения, могильника, жилища и т.п.). На этом уровне суть синкретизма может выражаться двояко, как “внешний” или “внутренний” синкретизм. Внешний синкретизм проявляется в одновременном использовании изделий собственного и импортного производства. В некоторых случаях при анализе импортных артефактов наиболее сложным является опре-

деление места производства: был ли это импорт в чистом виде – сосуд привезен извне рассматриваемого круга памятников (извне поселения) или произведен индустриальным мастером, существовавшим в пределах рассматриваемой общины (памятника). Внутренний синкретизм на макроуровне проявляется в копировании внешней формы сосуда, не свойственной для данной этнической общины, но известной по импортным образцам, при сохранении собственных технологических традиций, а иногда и орнаментальных мотивов. Здесь налицо определенная новация местного керамического производства, свидетельствующая о понимании преимущества сосуда новой формы (практического или эстетического) и желании его использовать.

Микроуровневый анализ предусматривает исследование единичного артефакта (сосуда или его фрагмента), изготовленного с использованием технологических, морфологических или орнаментальных традиций, которые характерны для представителей разных этносов. Особенно показательны в этом плане сосуды, орнаментированные в двух этнических традициях, что свидетельствует о значительном синкретизме в эстетических воззрениях мастера-изготовителя, а, возможно, и потребителя его продукции. Отсюда следует, что наиболее глубокие проявления синкретизма, позволяющие поставить вопрос об этнокультурной комплиментарности и слиянии культурных традиций, можно проследить, прежде всего, на микроуровне.

В связи с вышесказанным возникает закономерный вопрос: где граница между синкретизмом и появлением новой культурной традиции на его основе? С точки зрения исследуемого объекта – керамики, говорить о появлении новой культурной традиции можно лишь тогда, когда сочетание отдельных элементов синкретизма станут повторяться, то есть стандартизируются и начнут тиражироваться (с точки зрения психологии, станут одним из элементов этнокультурного фона).

Исходя из сказанного выше, объектом такого изучения должны стать керамические изделия контактной зоны как с одной, так и с другой стороны. Однако данная задача весьма объемна для одной статьи, в связи с этим считаем необходимым проанализировать локальную группу памятников в общем контексте исследования проявлений синкретизма указанных этнических массивов. Предметом нашего изучения является состав славянской керамической посуды одной из выше названных контактных зон, а именно – боршевских памятников Подонья. Основной задачей исследования является определение степени и направлений влияний салтовских керамических традиций на быт, материальную и духовную культуру раннесредневекового населения донских славян.

Влияние салтовского керамического производства на создание посуды жителями славянских (боршевских) памятников на Дону прослеживалось неоднократно. Исследователи отмечали появление горшков сфероподобных и яйцеобразных форм на памятниках Подонья, особенно по левому притоку Дона – р.Воронеж, а также появление лепных кувшинов, сделанных по салтовским образцам (Винников А.З., 1991, с.32). В целом керамика боршевской культуры благодаря кандидатской диссертации и другим работам А.З.Винникова (1972, с.196-211; 1974б; 1978а; 1982; 1983а) изучена и опубликована достаточно полно.

На основе огромного материала была сделана типология этой категории изделий, что позволило автору прийти к целому ряду выводов, часть которых касаются и темы нашего исследования и практически не вызывают возражений:

- среди выделенных типов горшков некоторые, по мнению указанного выше исследователя, возникли у славян на Дону под влиянием салтовско-маяцких гончарных традиций – это типы 7-9, по классификации А.З.Винникова (1982, с.168-171; 1990б, с.133-134; 1995, с.146-147) (рис.1, 1-23). Для их обозначения мы вводим термин *салтоидные*;

- под воздействием керамических традиций населения Хазарского каганата у боршевского населения появились не свойственные восточным славянам кувшины и кувшиноподобные сосуды, а также сосуды с ручками-“ушками” (Винников А.З., 1990б, с.134-136; 1995, с.147-148) (рис.1, 24-37);

- славянские и алано-болгарские контакты в сфере керамического производства наиболее полно проявились на боршевских памятниках, расположенных на Верхнем Дону (и, прежде всего, по правому берегу р.Воронеж, особенно на I Белогорском городище, а также на I и II Белогорских могильниках), что связывается с приходом сюда в сер.Х в. части алано-болгарского населения после похода Святослава на Дон и Волгу (Винников А.З., 1977б, с.113-137).

Просмотренные нами археологические коллекции и фонды экспедиций, хранящиеся в АМБУ, не оставляют сомнения в том, что большинство салтовских и салтоидных керамических артефактов Донского региона происходят с боршевских памятников именно Верхнедонского региона. Однако причины этого, выдвинутые А.З.Винниковым, нам не представляются бесспорными, и в дальнейшем мы изложим свою точку зрения по этому поводу.

Несмотря на достаточно большой объем проделанной работы, приходится констатировать, что вопросы этнического взаимодействия славян

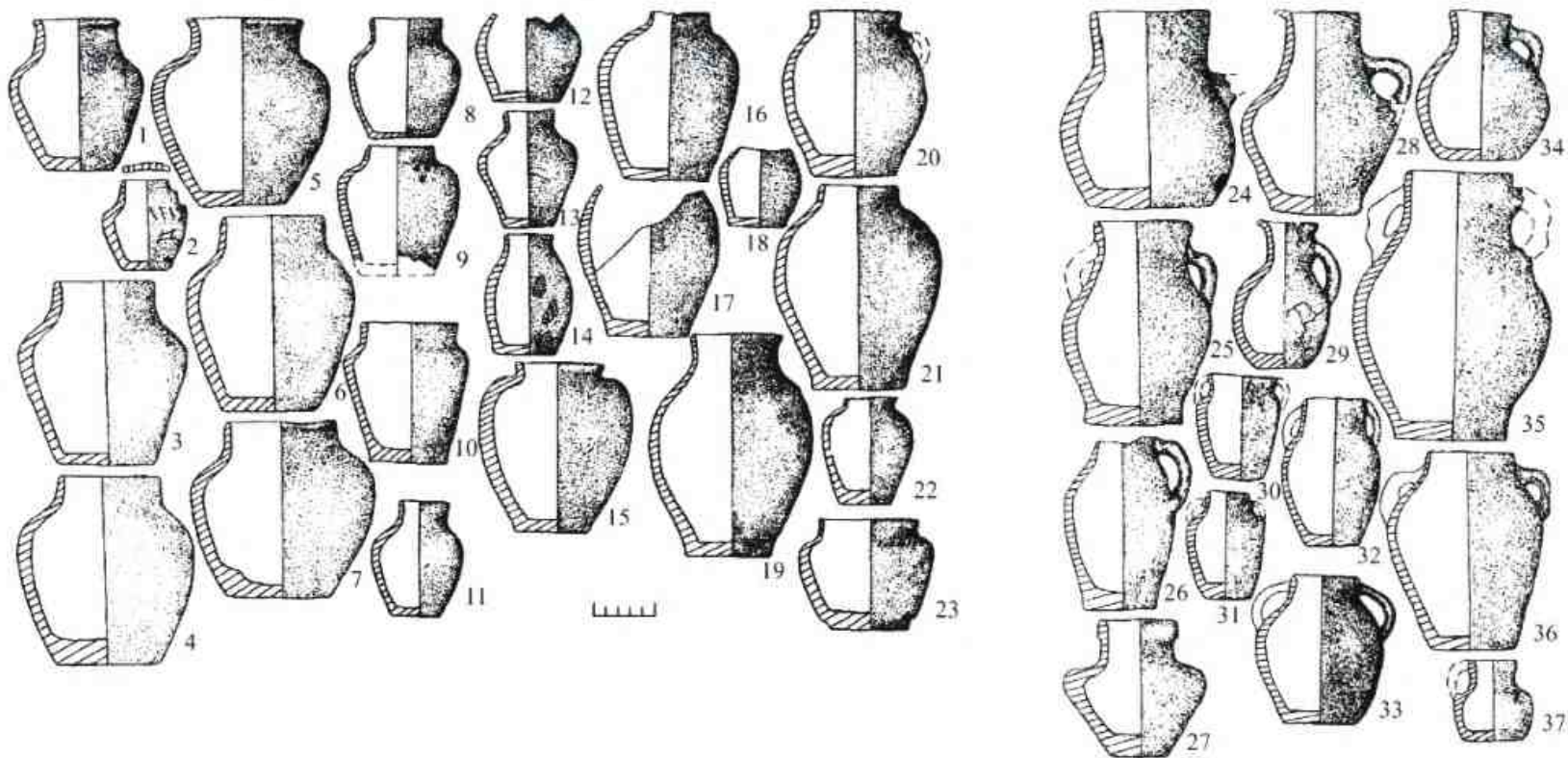

Рис. 1. Лепная керамика из славянских курганов на р.Воронеж, сочетающая в себе традиции славянского и салтовского керамического производства: 1-23 – горшки; 24-26, 28, 29, 35 – кувшины; 30-36 – сосуды с ушками; 27, 37 – кружки (по: Винников А.З., 1990б).

Fig. 1. Modelled pottery from the Slavonic barrows on the Voronezh river combining the Slavonic and Saltov ceramic manufacture traditions: 1-23 – pots; 24-26, 28, 29, 35 – jugs; 30-36 – vessels with lugs (handled vessels); 27, 37 – mugs (by Винников А.З., 1990б)

и населения северо-западных окраин Хазарии решались попутно, в общем контексте изучения славянских памятников Подонья. Отсутствие отдельного, специального исследования о взаимовлиянии керамических традиций славян-боршевцев и соседствующего с ними алано-болгарского населения Среднего Дона, а также массовое поступление новых артефактов с рассматриваемой территории позволяют обратиться к керамическому материалу раннесредневековых памятников Дона.

В связи с тем, что боршевские памятники, расположенные на Дону, разделяются исследователями на две локальные группы Верхнего и Среднего Дона (Винников А.З., 1995, с.152), мы рассмотрим керамические артефакты в такой же последовательности (рис.2).

Верхнедонская группа

Предваряя основную тему нашего изложения, считаем необходимым отметить, что данная группа памятников входит в состав региона, ассоциирующегося на основе ряда восточных источников (Ибн-Русте, Гардизи, "Худут ал-Алем") у некоторых современных исследователей с летописным городом Вантит (Рыбаков Б.А., 1969, с.189-196; Пряхин А.Д. и др., 1997а; 1997б). Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, отметим, что воспринимаем этот тезис не более чем гипотезу, количество и качество аргументов которой со времени ее первого озвучивания не увеличилось. Среди верхнедонской группы славяно-русских памятников керамические материалы синкретического характера представлены практически на всех исследованных городищах и на большинстве могильников, но наиболее репрезентативны памятники Белогорья. В состав этой группы входят два городища, четыре могильника и несколько селищ (Пряхин А.Д. и др., 1997а, с.5-37).

Белогорское-I городище

Весьма интересным и примечательным представляется коллекция разнообразной лепной и гончарной керамики, полученная в результате археологических исследований этого памятника (Москаленко А.Н., 1968; Винников А.З., 1971, с.1-10; 1973, с.1-8; 1976, с.3-15). Гончарная салтовская и лепная боршевская керамика, в том числе и салтоидная, встречена во всех раскопах, и даже в насыпи вала (Москаленко А.Н., 1968, с.4-6, табл.6). Относитель-

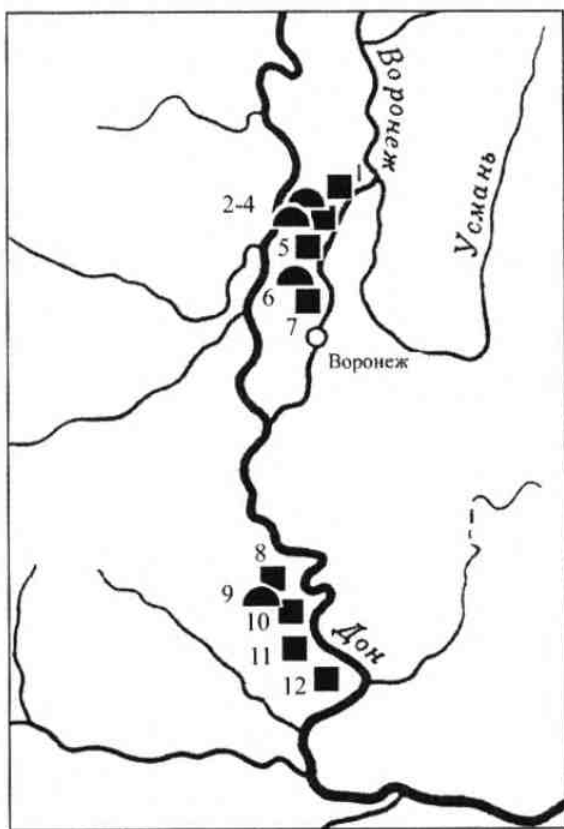
но площади городища следует сказать, что, кроме ранее указанных групп керамики, здесь выявлена и синкретичная по форме и орнаментации посуда, сделанная местным населением под влиянием салтовских образцов. Особо хотелось бы отметить постройки № 1, 3, 4 и хозяйственную яму № 9 в раскопе 1, где наряду с лепной боршевской выявлено значительное число фрагментов разнообразной салтовской посуды. То же самое можно сказать и о находках в жилищах № 5 и № 8 (раскоп 5) и в постройке № 9 раскопа 6 (Винников А.З., 1971, с.4-5, рис.2; 1973, с.5-8; 1976, с.12-13).

Гончарная салтовская керамика составляет лишь 8% от всего керамического материала (Винников А.З., 1977б, с.130), но представлена весьма разнообразно. Здесь обнаружены фрагменты амфор (рис.3, 5), различных парадных и столовых сосудов с лощением и налепным орнаментом (рис.3, 1, 4, 6), а также кухонные горшки. Последняя группа украшена традиционным для салтовской культуры прорезным волнистым или прямым горизонтальным, а иногда и сетчатым орнаментом, но она неоднородна по качеству изделий. По составу теста и толщине черепка в ней можно выделить две группы. Часть сосудов сделана из тонкодисперсного теста, тонкий черепок которого имеет гладкую поверхность и качественно обожжен (рис.3, 7-12). Вторая подгруппа салтовской кухонной керамики изготавливалась из более рыхлого теста с некоторым количеством шамота, толщина черепка – 0,7-1,0 см, поверхность шероховатая (рис.4, 1-6, 8-11), обжиг менее качественный¹. Если амфоры, парадные и столовые сосуды, а также кухонные горшки высококачественного изготовления можно отнести к привозным (импортируемым на данный памятник) изделиям, то вторую подгруппу кухонных горшков мы склонны считать местным производством.

Безусловно, большая часть керамических фрагментов – это остатки боршевских лепных или слегка подправленных на медленном гончарном круте горшков. Однако для данного памятника весьма показательное большое присутствие горшков 8 и 9 типов. Тип 8 характеризуется яйцевидным туловом с расширением в средней части и коротким вертикальным или резко отогнутым наружу венчиком (рис.1, 9, 15-18, 21, 22). Тип 9 – горшки с шаровидным туловом (рис.1, 8, 12). Исследователь городища и боршевской керамики в целом относит их к такому, что возникли под влиянием форм сосудов салтово-маяцкой культуры, на что мы указывали выше.

Фрагменты горшков восьмого типа составляют на городище 26% от всех изделий этой группы.

¹ В отличие от первой подгруппы кухонных салтовских горшков, излом черепка которых однотонный (как правило, терракотовых оттенков), фрагменты изделий второй подгруппы на изломе демонстрируют слои разной степени пропекания.

■ – городища ◐ – курганные могильники

Рис. 2. Боршевские памятники с синкретичной керамикой: 1 – Животинное; 2-4 – Белогорье; 5 – Михайловский кордон; 6 – Лысогорский; 7 – Кузнецовское; 8-10 – Борщево; 11 – Архангельское; 12 – Титчиха.

Fig. 2. Borshevo sites with syncretic pottery: 1 – Zhyvotinnoye; 2-4 – Belogorie; 5 – Mikhailovskiy kordon; 6 – Lysogorskiy; 7 – Kuznetsovskoie; 8-10 – Borshchevo; 11 – Arkhangel'skoie; 12 – Tit'chikha

Большинство из них (75%) украшены небрежно прочерченными горизонтальными полосами, а некоторые из них еще и вертикальными или косыми, что создавало сетчатый орнамент (рис.4, 1, 2, 4, 11). Горшки девятого типа составляют 8% от общего количества фрагментов горшков и нередко орнаментированы небрежно исполненными горизонтально прочерченными линиями (Винников А.З., 1977б, с.132-135) (рис.4, 10). Считаем необходимым обратить внимание еще на ряд моментов: для прочерчивания линий изготовители не использовали гребенчатый штамп, что характерно для салтовской керамики, а применяли палочку (шепу, прутик). Это приводило к "неопрятности" орнамента; его

нанесение производилось без применения ножного (быстрого) гончарного круга, поэтому сами линии получались неровные и непараллельные (рис.4, 2, 5, 6, 10).

Таким образом, мы видим, что значительная часть боршевских горшков Белогорского-I городища (суммарное количество находок 8 и 9 типов составляет более трети) несут в себе явный отпечаток синкретизма. Мы видим его в сочетании традиционной лепной боршевской технологии и шамотного теста (особенно для типа 8) с формой и орнаментом, позаимствованными у южных соседей – алан и болгар. Способ нанесения орнамента, его небрежность говорят о том, что изготовители не были коренными носителями салтовских керамических традиций. Изготовление новой для них посуды, несмотря на определенный внутренний синкретизм, было еще чем-то новым, мало освоенным. Местное производство, а не импортирование этих горшков доказывается петрографическими анализами образцов глины и фрагментов сосудов, проведенными в керамической лаборатории Института археологии РАН (Винников А.З., Синюк А.Т., 2003, с.221-223).

Обращает на себя внимание еще одна небольшая группа изделий, которые ввиду их фрагментарности затруднительно отнести к определенному типу сосудов. Они изготовлены из песчанистого, шамотного теста, несут на себе следы использования медленного гончарного круга, наблюдается также некоторая подлощенность (Винников А.З., 1973, с.2, рис.7). Показателен их орнамент, сочетающий в себе группы условно параллельных, прочерченных в разных направлениях линий по шейке или тулову изделий. Иногда это сочетается с нанесением неглубокого гребенчатого штампа по краю венчика или имитацией такого штампа разнонаправленными рядами, сделанными тонким прутиком или соломинкой (рис.4, 2, 3, 5, 6, 8-10). В дополнение следует сказать, что гребенчатые наколы и подражания им на боршевских сосудах практически не встречаются на иных славянских памятниках Дона (Винников А.З., 1978а, с.56-59).

Появление лошения на лепных боршевских горшках этого городища свидетельствует об углублении процессов взаимопроникновения керамических традиций и усилении синкретизма керамического производства. Ярким проявлением этого служит фрагмент верхней части одного лепного горшка из раскопа 1, хранящегося в коллекции Археологического музея Воронежского университета (АМБУ). Он изготовлен из довольно плотного теста с примесью мелкого шамота, имеет коричневый обжиг и необычный даже для синкретической белогорской керамики орнамент (рис.4, 7). Последний состоит из двух прорезанных по шейке и плечу

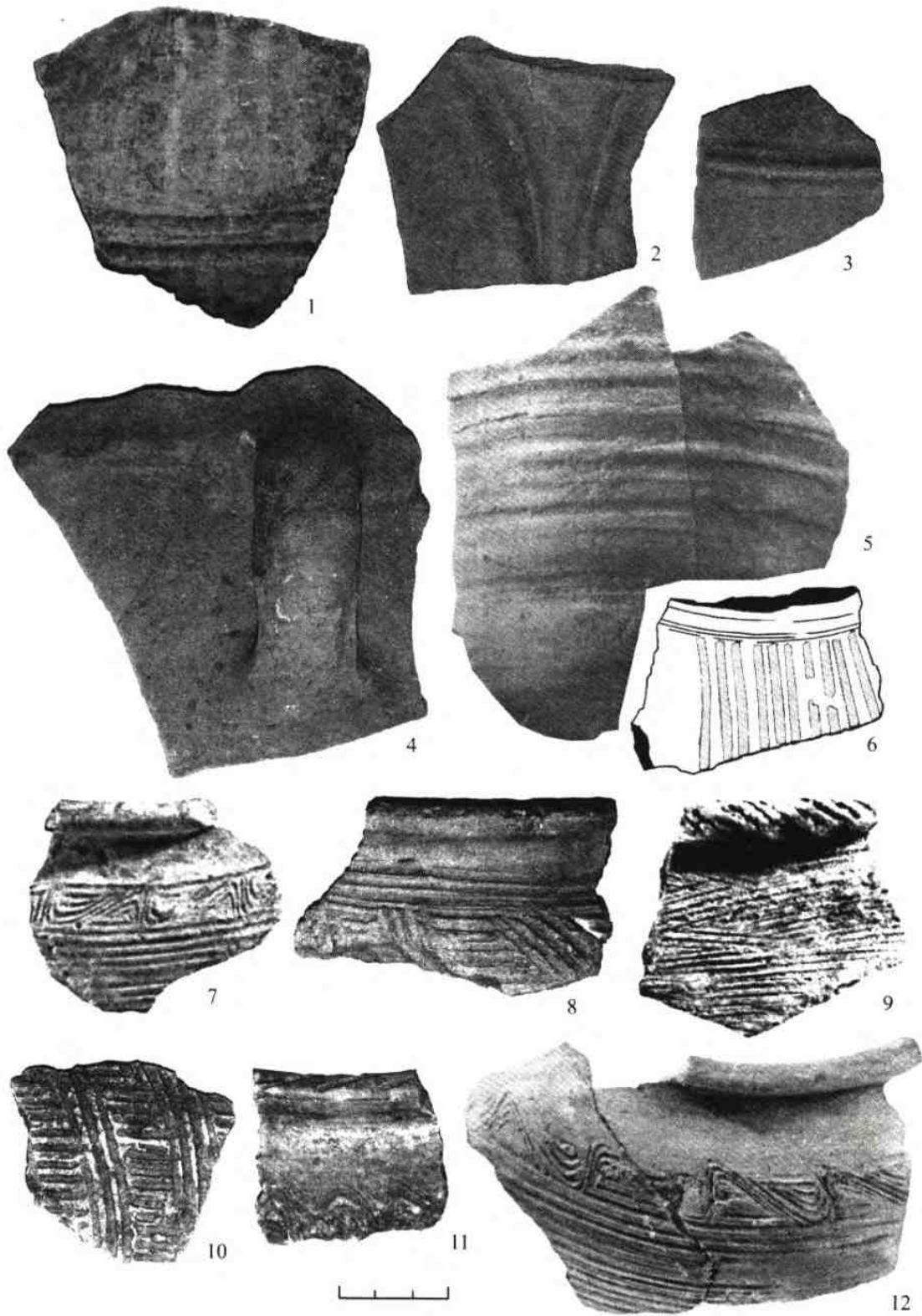

Рис. 3. Салтовская керамика с I Белогорского городища: 1-4, 6 – столовая; 5 – тарная; 7-12 – кухонная.

Fig. 3. Saltov pottery from the Ist Belogorsk hillfort: 1-4, 6 – kitchen ware; 5 – tare vessels; 7-12 – cooking ware

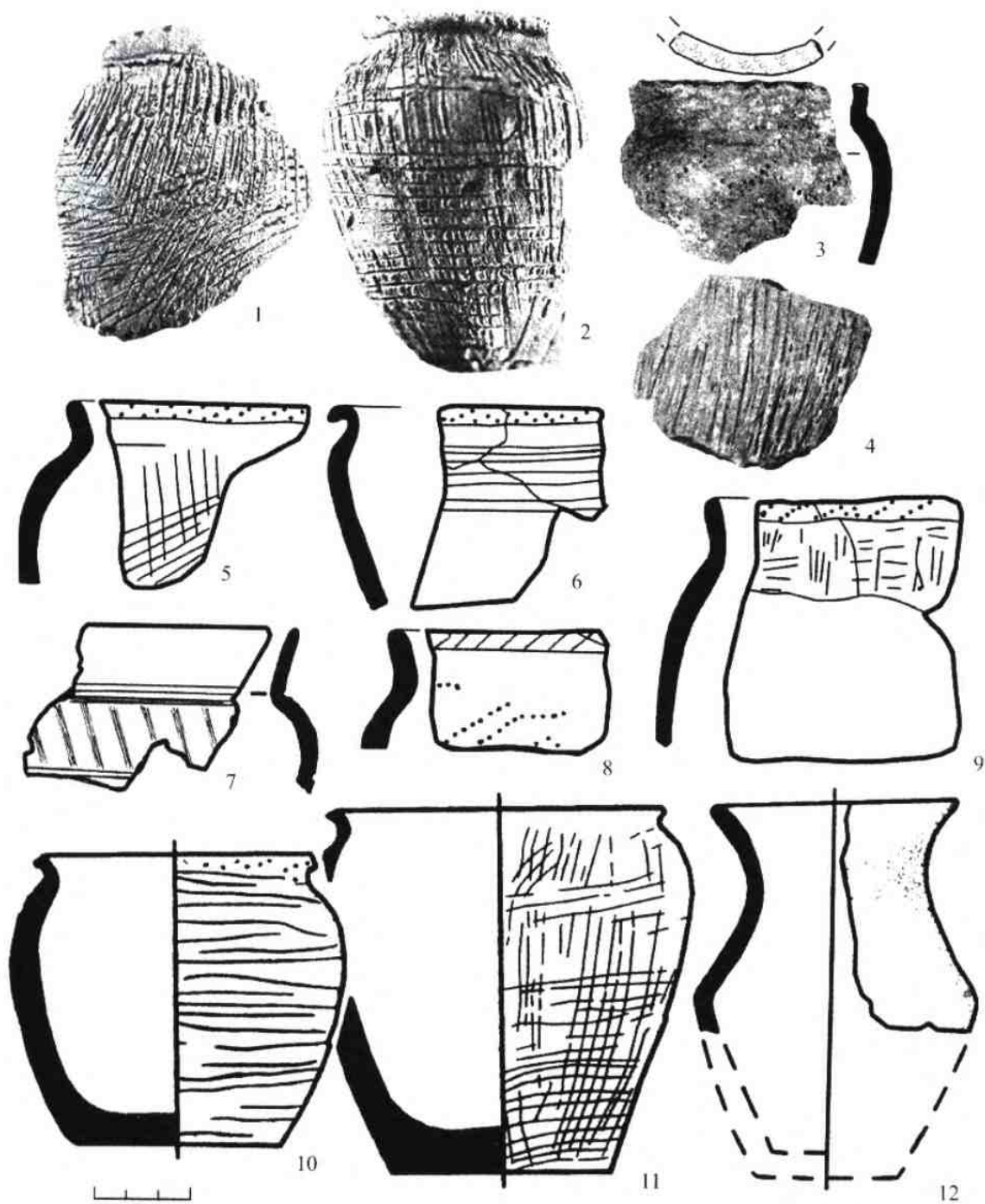

Рис. 4. Славянская керамика I Белогорского городища со следами влияния салтовской культуры: 1-5, 7-11 – горшки; 6 – миска; 12 – кувшин.

Fig. 4. Slavonic pottery from the Ist Belogorsk hillfort with the traces of influence of the Saltov culture: 1-5, 7-11 – pots; 6 – a bowl; 12 – a jug

полос, между которыми помещен узор из лощеных линий: одной сплошной горизонтальной и ряда коротких косых. Все это создает парадный внешний вид изделия.

Кроме горшков, обращает на себя внимание и наличие на памятнике некоторого количества лепных кувшинов и подобных им изделий (Винников А.З., 1977б, с.134) (рис.4, 12). Они изготовлены из теста с примесью крупнозернистого песка и шамота, имеют плохо обработанную шероховатую поверхность. Эти сосуды местного производства и также являются подражанием салтовским (аланским) прототипам.

Таким образом, керамические материалы Белогорского-I городища свидетельствуют о разно-стороннем и глубоком синкретизме в изготовлении посуды его жителями. Массовое его проявление говорит в пользу того, что на этом памятнике проживало смешанное население, состоящее из донских славян² и представителей разноэтнической группы – выходцев из Хазарского каганата. Судя по орнаментации (лощение, разнообразный прорезной орнамент), среди них были аланы. Шарообразная и яйцевидная форма горшков, а также определенная небрежность исполнения орнамента говорят о присутствии в составе населения и степного болгарского компонента. Все это подтверждает уже высказанный вывод о переселении на славянский населенный пункт в сер.Х в. группы алано-болгарского населения (Винников А.З., 1985б, с.125-126). Предложенная датировка подтверждается исследованиями вала, в котором обнаружены салтовские материалы, а в культурном слое под валом такие артефакты отсутствуют. Кроме того, 89% салтовской и, что более важно, синкретичной керамики выявлено в верхней части культурного слоя (Винников А.З., 1990б, с.129-131).

В чем причина такого массового переселения? Выше мы уже приводили мнение А.З.Винникова, связывавшего это явление с победами Святослава на Дону и Волге. Не отрицая, в целом, возможности такой интерпретации, считаем необходимым высказать и некоторые свои соображения, базирующиеся на двух моментах. Во-первых, почему они избрали поселение верхнедонской группы, а не среднедонской, которая была для них ближе? Во-вторых, массовые синкретичные керамические материалы белогорских могильников не позволяют говорить о смешении населения лишь с сер.Х века. Скорее всего, контакты донских славян этого Белогорского-I городища с алано-болгарским населением северо-западных территорий каганата

были более давние, складывались задолго до походов Святослава. Возможно, это поселение было важным пунктом в торговле Хазарии по Дону. Эти давние традиции и стали причиной значительного по количеству людей переселения за относительно короткое время (не без влияния походов Святослава). Косвенным подтверждением долговременности и тесноты славяно-алано-болгарских контактов может служить глубокий синкретизм, которого мы не находим ни на каком-либо другом боршевском памятнике Подонья, а для этого необходим достаточно длительный период (несколько поколений) и смешение населения.

Белогорский-I могильник

Он расположен на плато близ I Белогорского городища (Пряхин А.Д. и др., 1997а, с.20-23). Неоднократно исследовался воронежскими археологами (Москаленко А.Н., 1968; Винников А.З., 1973, с.2-11; 1976, с.12-15; 1977а, с.2-4) и достаточно полно опубликован (Винников А.З., 1979а, с.145-163; 1984б, с.72-75). Из 12 раскопанных на сегодняшний день курганов лишь в трех встречена исключительно боршевская керамика (к.6, 8, 12), в одном (к.9) наряду с боршевской обнаружена и во-лынцевская, а в восьми (66,6 %) присутствует салтовская посуда (табл.1).

Салтовская керамика была преимущественно гончарная (рис.5, 1-7, 10)³. Она выявлена в насыпи (к.1, 2, 3) и, главным образом, в захоронении (к.1, 3-5, 7, 10, 11). Дважды салтовские сосуды были заполнены пережженными костями, то есть использовались как погребальные урны, а не как сосуды с заупокойной пищей (к.5, 10). Важно отметить, что наличие орнаментированных сосудов во-лынцевского типа (рис.5, 8, 9) в сочетании с боршевскими горшками (к.9) или с кувшином причерноморского производства (к.11) говорит о присутствии здесь также и носителей этих (во-лынцевских) культурных традиций. Носители во-лынцевской культуры пришли сюда с территории Днепровского лесостепного Левобережья, вероятно, во 2-й пол.VIII в., когда в результате трансформации этой ранней северянской общности в роменскую культуру произошло некоторое вытеснение ее носителей за пределы изначальной территории.

Исследователи верно отметили, что керамический материал этого могильника вполне коррелируется с керамикой I Белогорского городища и свидетельствует о тесных контактах донских славян с

² В данном случае мы не касаемся проблемы происхождения этого населения из какого-либо района восточнославянского мира, так как это не входит в задачу нашего исследования.

³ Лишь в насыпи кургана № 1 обнаружены фрагменты лепных салтовских сосудов (Винников А.З., 1979а, с.48).

Табл. 1. Салтовская, волынцевская и боршевская керамика I Белогорского могильника

№ кургана	В насыпи	Керамика в погребении			Иллюстрации
		Салтовская	Волынцевская	Боршевская	
1	фрагменты	кувшин			рис.5. 1
2	фрагменты				
3	горшок	фр. горшка, кувшин			рис.5. 2, 7
4		кувшин			рис.5. 3
5		кувшин *		горшок* (тип - 4б) ⁴	рис.5. 4
7		горшок			рис.5. 10
9			горшок	2 горшка (тип - 1, 5а)	рис.5. 9
10		кружка*			рис.5. 6
11		кувшин	горшок		рис.5. 5, 8

* – наличие кальцинированных костей в сосуде

алано-болгарским миром (Винников А.З., 1979а, с.158). Следует, однако, обратить внимание на то, что здесь мы видим синкретизм керамического материала лишь на макроуровне (использование готовых инокультурных форм сосудов без попытки их воссоздания в своих технологических или орнаментальных традициях), что в контексте белогорских памятников вполне соотносится с начальным этапом контактов между славянами-боршевцами и их южными соседями (хотя без полного исследования могильника этот вывод весьма гипотетичен).

В керамическом комплексе могильника сочетаются сосуды классических боршевских, волынцевских, причерноморских и аланских этнокультурных и орнаментально-технологических традиций. Это является, скорее всего, результатом сосуществования представителей различных этносов, оставивших этот могильник, а также свидетельствует в пользу их широких торгово-экономических связей. Отметим также еще одну особенность этого памятника: здесь не выявлено сосудов, обладающих чертами внутреннего синкретизма и свидетельствующих о смешении разноэтнических традиций в керамическом производстве.

Белогорский-II могильник

Расположен на краю плато, в 1,0 км к СВ от I Белогорского городища, исследовался в 70 годы XX в. А.З.Винниковым (1976, с.17-19; 1977а, с.5-22; 1980, с.1-33). Из более чем 560 курганов к настоящему времени исследовано 60, и материалы эти опубли-

кованы (Винников А.З., 1984б, с.76-126). В каждом из них содержались славянские погребения, проведенные по обряду кремации на стороне с помещением части костных остатков под курганную насыпь. Обращает на себя внимание, что более чем в 50% раскопанных курганов содержатся керамические материалы, свидетельствующие о синкретизме керамического комплекса, однако, проявление синкретизма здесь, в отличие от материалов Белогорского I могильника, выражено разнообразнее и несколько иначе (табл.2).

Здесь также, как и в могильнике I в насыпи изредка встречаются фрагменты гончарных салтовских сосудов (к.1, 27). Их наличие, при полном преимуществе боршевской лепной керамики в насыпи курганов, свидетельствует о том, что салтовская керамика использовалась при проведении тризны и была обычным явлением для жителей Белогорья. В рассматриваемом могильнике сравнительно в меньшем количестве, но все же присутствует типично салтовская гончарная посуда: к.2, 5, 26, 40, 60 – кувшины (рис.6. 1-4), чаша – в к.26 (рис. 6. 5). Здесь также отмечено сочетание этих гончарных артефактов с лепными боршевскими горшками (к.5, 27, 60) – таблица 3. В двух случаях (к.2, 40) салтовские гончарные кувшины были единственной посудой в погребении, а в к.26, кроме кувшина, найдена и чаша. Она была изготовлена на гончарном круге, имеет широкое тулово и низкую ножку с поддоном. Автором находки она интерпретируется как чаша-светильник, имеющая салтовское происхождение (Винников А.З., 1990а, с.311; 1990б, рис. 4, 10; Плетнева С.А., 1959, с.224-225).

⁴ Типология лепных боршевских горшков дается по работе: Винников А.З., 1982.

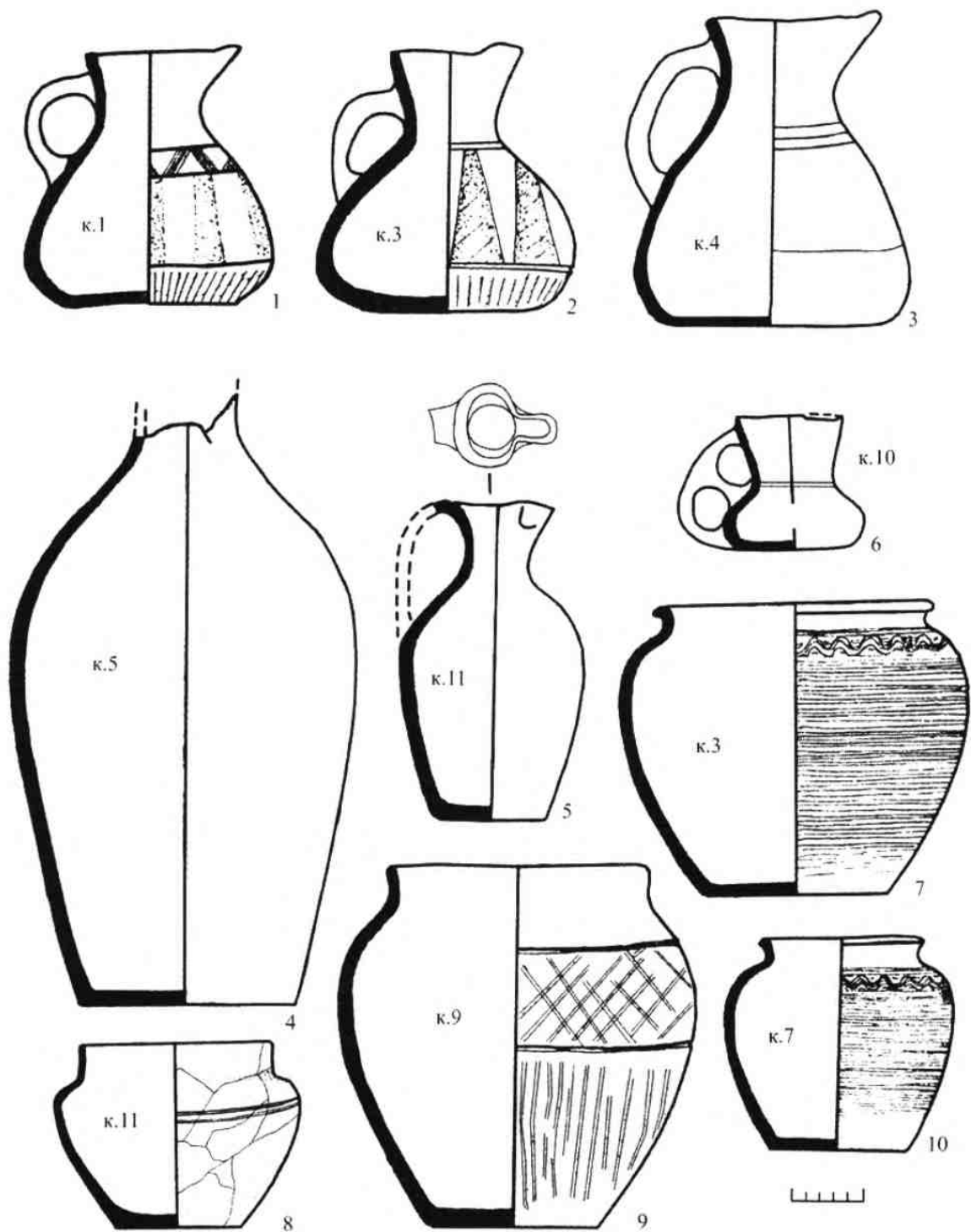

Рис. 5. Салтовская керамика I Белогорского могильника: 1-5 – кувшины; 6 – кружка; 7-10 – горшки.
 Fig. 5. Saltov pottery from the Ist Belogorsk hillfort: 1-5 – jugs; 6 – a mug; 7-10 – pots

Табл. 2. Салтовская, синкретичная, волынцевская и боршевская салтоидная керамика II Белогорского могильника

№ кург.	В насыпи	Керамика в погребении				Иллюстрации
		Салтовская	Синкретичная	Волынцевская	Боршевская салтоидная	
1	2	3	4	5	6	7
1	фрагм.		лепной сосуд с 2 ручками		горшок (тип ?)	рис.8, 15
2		кувшин				рис.6, 1
5		фрагмент кувшина			горшок (тип 9)	рис.7, 15
12			лепной сосуд с 2 ручками		горшок (тип 7)	рис.7, 1; 8, 12
13			лепн. подобие кружки (2 шт.)			рис.8, 7, 8
14			лепной сосуд с 1 ручкой			рис.8, 10
15					горшок (тип 8)	рис.7, 11
16					горшок (тип 7)	рис.7, 8
18			лепной сосуд с 2 ручками		горшок (тип 8)	рис.7, 13; 8, 16
19					горшок (тип 8)	рис.7, 12
20					2 горшка (тип 8, 9)	рис.7, 14, 17
22					горшок (типа 7)	рис.7, 6
23			лепной сосуд с 2 ручками			рис.8, 13
25			лепной кувшин	лепной горшок	горшок (тип 4а)	рис.6, 7; 8, 2
26		кувшин, чаша				рис.6, 2, 5
27	фрагм.			гончарный лощеный горшок	горшок "финского типа"	рис.6, 6
28					горшок (тип 7)	рис.7, 5
31					горшок (тип 7)	рис.7, 10
33					горшок ⁵ (тип 7)	рис.7, 2
35			лепной кувшин		горшок (тип 4б)	рис.8, 5

⁵ Маленький, со следами вторичного обжига

Табл. 2. Окончание

1	2	3	4	5	6	7
36			лепной кувшин			рис.8, 4
37			лепной кувшин			рис.8, 3
38			лепной кувшин (кружка-?)		горшок (тип 5)	рис.8, 6
39			лепной сосуд с 1 ручкой		горшок (тип 5)	рис.8, 11
40		кувшин				рис.6, 3
41					горшок (тип 7)	рис.7, 9
42			лепной сосуд с 2 ручками		горшок (тип 7)	рис.7, 3; 8, 17
43					горшок (тип 7)	рис.7, 4
55			лепной сосуд с 2 ручками; лепной, наподобие кружки		миска	рис.8, 9, 18
57			лепной кувшин		горшки (тип 7, 9)	рис.7, 7, 16; 8, 1
60		кувшин	лепной сосуд с 2 ручками		горшок (тип 4б)	рис.6, 4; 8, 14

Присутствуют в курганах Белогорский II и керамика волынцевского типа: к.25 (рис.6, 7) и, возможно, к.27⁶ (рис.6, 6). В первом из упомянутых курганов был помещен лепной горшок этой культуры. Все это сближает два рассматриваемых славянских "некрополя". Но очевидны и различия.

В отличие от Белогорского-I могильника, где лепные синкретичные сосуды, равно как и салтоидные боршевские горшки отсутствуют, на II Белогорском могильнике выявлены как те, так и другие. Боршевские салтоидные горшки (типы 7-9) известны в 14 курганах (5, 12, 15, 16, 18-20, 22, 23, 28, 31, 33, 41-43, 57) (рис.7), причем в двух случаях таких сосудов было по два (к.20, 57). Отметим, что не выявлено фактов одновременного присутствия в захоронениях салтоидных и "классических" боршевских сосудов (типы 1-6), но в 9 случаях салтоидные горшки были в погребениях единственными (табл.3). К синкретичным боршевским сосудам мы относим керамические изделия, форма которых не была вообще свойственна восточным славянам, в том числе и боршевцам – это лепные сосуды с ручками, имитирующие салтовские одноручные кувшины или двуручные парадные горшки-пифо-

сы и сосуды, напоминающие кружки (рис.8). Такие изделия обнаружены в 17 курганах, что составляет 26,6% от всех исследованных и 53,3% от числа курганов с синкретичным керамическим набором. Таким образом, наличие не только внешнего, но и внутреннего синкретизма на макроуровне является характерной чертой керамики рассматриваемого могильника.

Лепные сосуды с одной ручкой можно разделить на кувшины и горшки. Кувшины с четко выраженной шейкой, расширяющимся книзу туловом и одной ручкой обнаружены в пяти захоронениях (к.25, 35-38). Особо отметим сосуд из к.25, у которого по плечу был нанесен орнамент из оттисков веревочки (сохраняя свою технологию и орнаментику, боршевский мастер осваивал новую для него форму, пытаясь совместить две эстетические концепции) (рис.8, 2). В этом случае налицо глубокий макроуровневый и микроуровневый синкретизм изготовителя, который был носителем уже двух культурно-технологических традиций и эстетических норм. Одноручные лепные сосуды из погребений в к.14 и 39 далеки от формы кувшина. Их изготовители проявили определенную новацию – ручку,

⁶ С точки зрения морфологии сосудов, этот курган вызывает особый интерес. Здесь найден гончарный горшок, который автор отнес к салтовским; нам же кажется, что по манере орнаментации он имеет и волынцевские черты. Кроме того, в кургане найден горшок "финского типа" (терминология автора находки – Винников А.З., 1980, с.4-5).

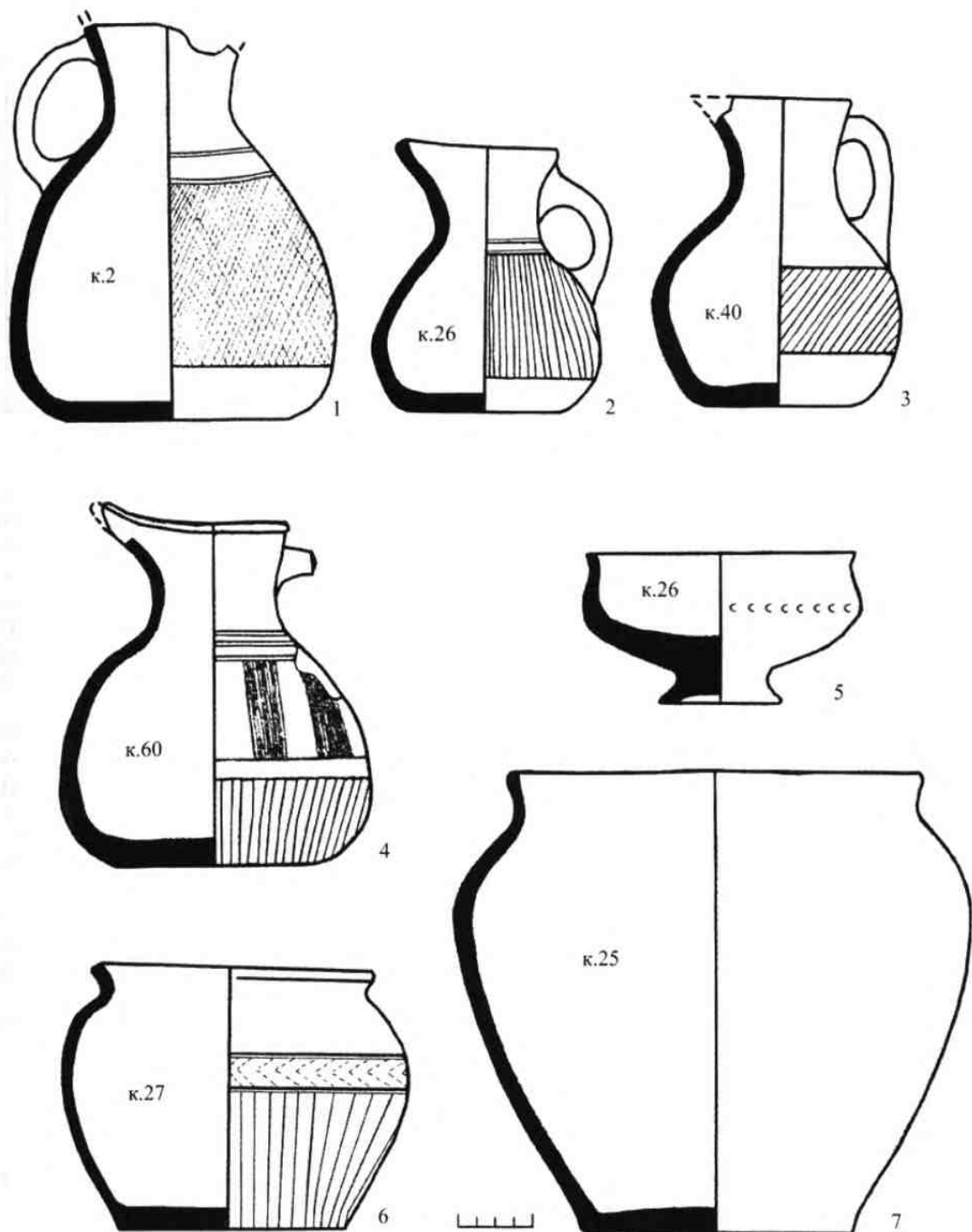

Рис. 6. Салтовская (1-5) и вольтневская (6-7) керамика II Белогорского могильника.
 Fig. 6. Saltov (1-5) and Volyntsevo (6-7) pottery from the IInd Belogorsk burial ground

Табл. 3. Взаимовстречаемость видов и типов керамики в синкретических комплексах II Белогорского могильника

Салтовские, синкретичные и салтоидные сосуды	Единственные в захоронении	В сочетании с иными сосудами				
		Салтовские	Синкретичные	Боршевские		Вольнецкие
				Салтоидные горшки (тип 7-9)	Остальные	
Салтовские	3		1	1	2	
Синкретичные	5			5	6	1
Салтоидные горшки (тип 7-9)	9					

заимствованную в салтовской среде, прикрепив ее к салтоидным горшкам (тип 8). В этом мы видим один из вариантов морфологического подражания и определенного внутреннего синкретизма.

Двуручные лепные сосуды обнаружены в 7 погребениях (к.1, 12, 18, 23, 42, 55, 60). В большинстве своем в их основе была форма салтоидного горшка 7-9 типов, к которому путем простого примазывания крепились ручки, в чем мы видим определенную корреляцию отдельных элементов салтовского влияния на боршевское керамическое производство: появление новых типов горшков и возникновение новых видов посуды. В двух случаях (к.42 и 55) основой двуручных сосудов были изделия кувшиноподобных форм.

В нескольких курганах найдены сосуды, своими размерами, формой, а иногда и местом крепления ручки напоминающие салтовские кружки (к.13, 38, 55). В первом случае – два экземпляра. Сосуд же из к.38 автором находки интерпретируется как кувшин (Винников А.З., 1980, с.13-14), но место сколов на тулове, которое, по нашему мнению, соответствует месту крепления ручки, позволяет отнести данный сосуд к кружкам. В любом случае здесь не классический боршевский сосуд, а привнесенная в славянскую среду иноэтничная форма посуды.

Описанные выше синкретичные сосуды лишь в пяти случаях являлись единственными в захоронении (к.13, 14, 23, 36 и 37). В таком же количестве комплексов они найдены в сочетании с салтоидными боршевскими горшками (типы 7-9), шесть раз – с остальными типами и видами боршевской лепной посуды и единожды с лепным вольнецким горшком (табл.2 и 3).

Таким образом, синкретические сосуды и салтоидные горшки, как сами по себе, так и в различных

сочетаниях, являются характерной чертой керамического комплекса Белогорского-II могильника. Это свидетельствует о более глубоком взаимопроникновении салтовских и боршевских керамических традиций у населения, оставившего этот памятник, по сравнению с погребенными могильника Белогорское-I. Поэтому мы осмелимся предположить, что могильник Белогорское-II возник несколько позже первого, на том этапе существования городище Белогорское-I, когда процессы сосуществования разноэтничных жителей перерастают в процесс взаимной этнокультурной ассимиляции, фиксирующей достаточно разнообразно в новациях керамического производства и составе погребальной керамики. Исходя из этого, тезис об одномоментном (в историческом плане) переселении сюда алан и болгар после поражений Хазарского каганата от Святослава и быстрой взаимной ассимиляции нуждается в существенной корректировке. Процесс межэтнического взаимодействия был продолжительным по времени, весьма интенсивным по сути и разнообразным в своих проявлениях.

Кузнецовское городище

Располагается на одной из возвышенностей правого берега р.Воронеж и является наиболее южным боршевским городищем в верхнедонской группе памятников (Пряхин А.Д. и др., 1997б, с.6-16, рис.2). Материалы, полученные во время раскопок 20-30 гг XX в., опубликованы лишь частично (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.91-101), а в годы Второй мировой войны были утрачены. Поэтому в настоящий момент для обработки доступны лишь материалы полевых исследований 1995 г (Матвеев Ю.П., 1996, с.9-18).

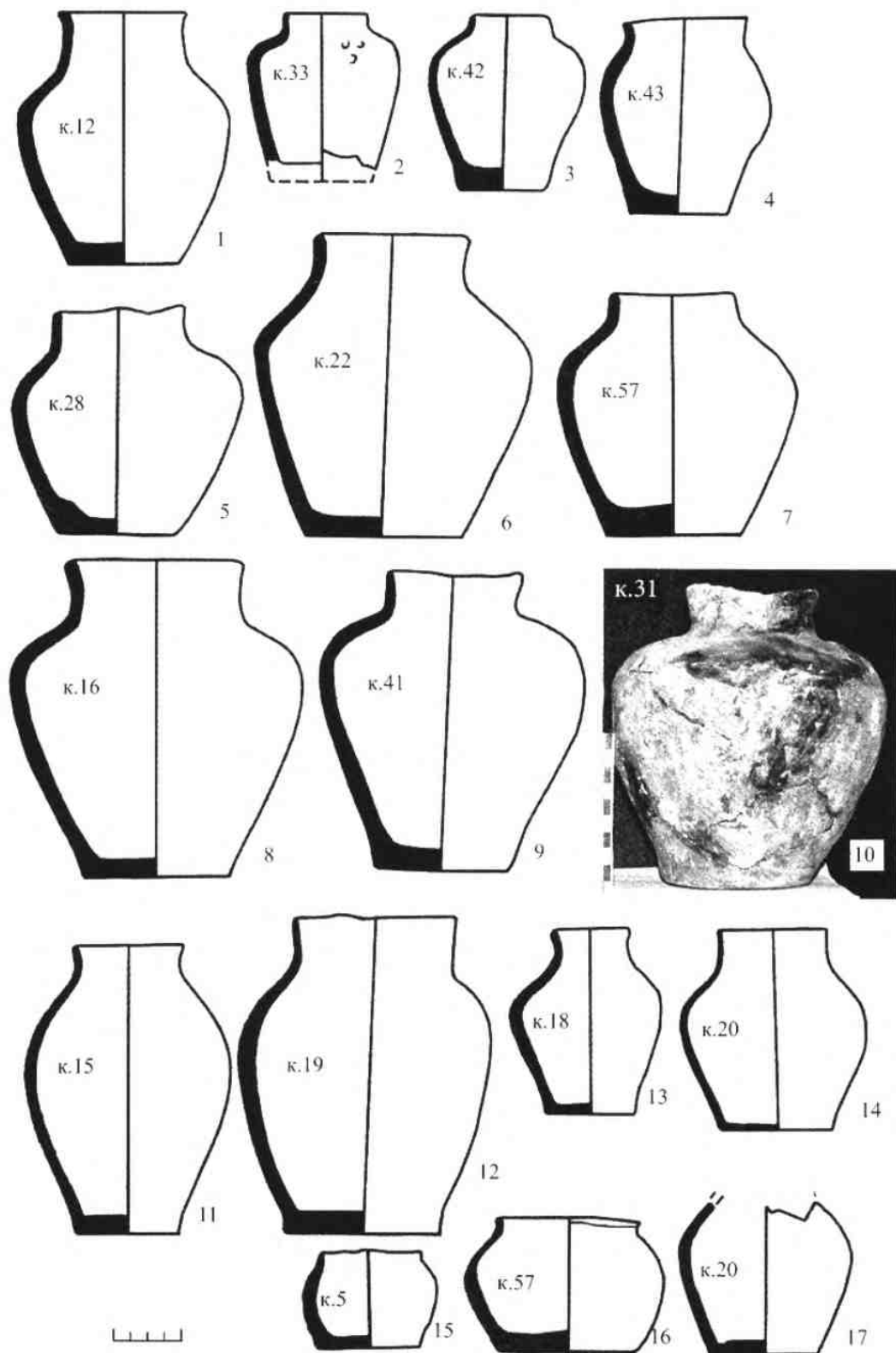

Рис. 7. Салтоидные горшки II Белогорского могильника: 1-10 – тип 7; 11-14 – тип 8; 15-17 – тип 9.
 Fig. 7. Saltov-like pots from the IInd Belogorsk burial ground: 1-10 – type 7; 11-14 – type 8; 15-17 – type 9

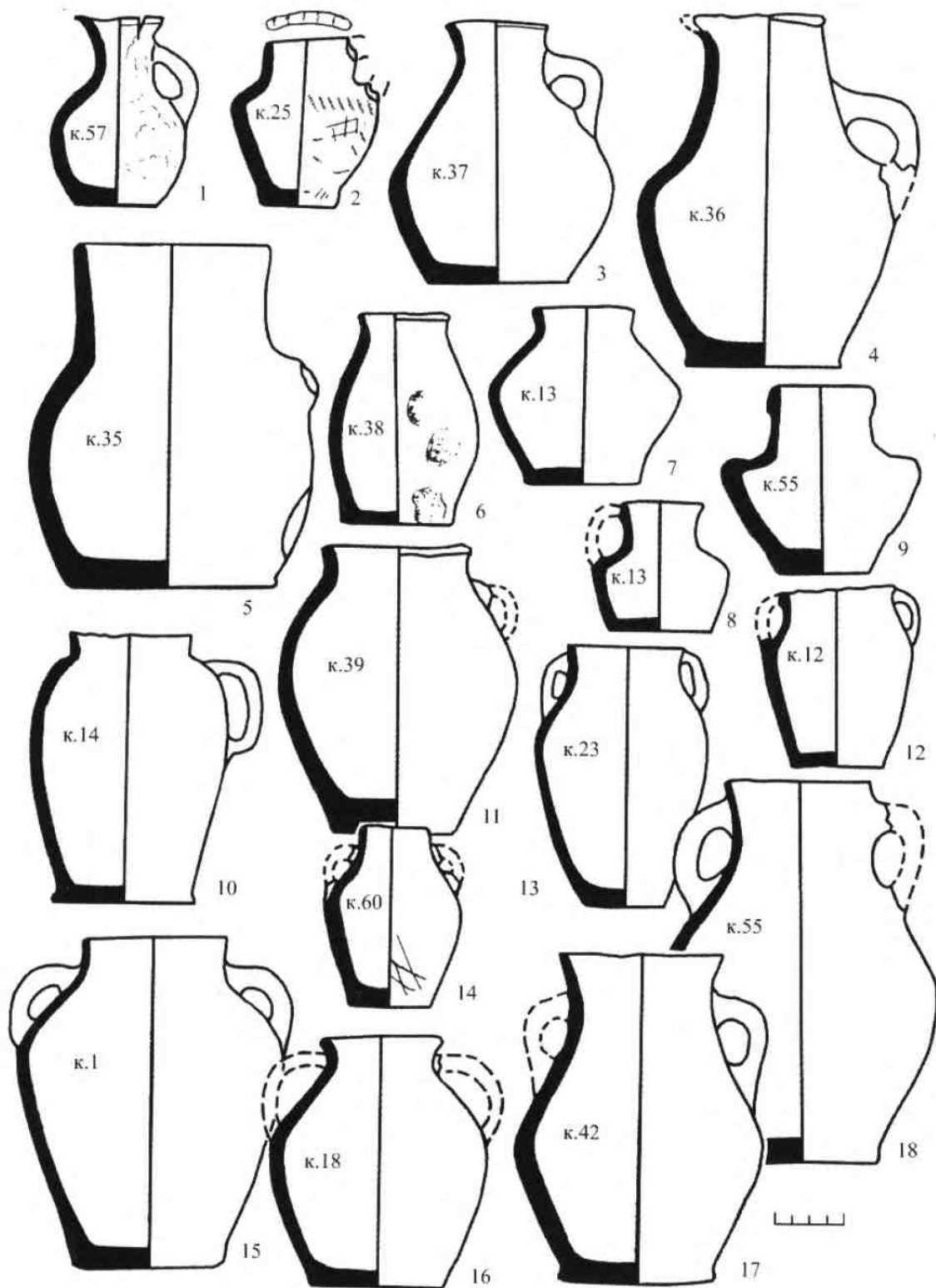

Рис. 8. Синкретичные сосуды II Белогорского могильника: 1-11 – одноручные; 12-18 – двуручные.

Fig. 8. Syncretic vessels from the IInd Belogorsk burial ground: 1-11 – one-handed vessels; 12-18 – two-handed vessels

Здесь обнаружена и частично исследована славянская постройка кон. I тыс. н.э., в заполнении которой, наряду с фрагментами лепной боршевской керамики, обнаружены и стенки гончарного салтовского сосуда (Пряхин А.Д. и др., 1997б, с.15). Осмотр хранящейся в Археологическом музее Воронежского университета керамики с этого городища выявил немногочисленную, но разнообразную салтовскую керамику, в которой представлены практически все категории гончарных изделий: амфоры, кухонные горшки (крайне редко), лощеная парадная посуда, в том числе и с налепными валиками (рис.9, 1). Кроме того, отметим и находку неполного развала одного из боршевских (по тесту) горшков: по его плечу гребенчатым штампом был небрежно нанесен многорядный волнистый орнамент (рис.9, 5-7, 10).

Работа с коллекцией позволила сделать еще одно весьма примечательное наблюдение: часть обломков принадлежала большим по размерам сосудам, так называемым "салтовским парадным пифосам". Они были изготовлены из плотного, хорошо вымешанного теста, в которое был добавлен крупный песок и мелкий шамот. На некоторых фрагментах этой группы изделий нанесен прочерченный, мелко заглабленный орнамент сеточкой. Причем он наносился процарапыванием после обжига сосуда (рис.9, 2-4). Подобный орнамент – ромбическая сеточка – на таких сосудах в салтовской культуре выполнялся лощением, которое по технологии предшествовало обжигу (равно как и прочерченный орнамент на салтовских сосудах). Здесь же, в рассматриваемых фрагментах, мы видим определенную утрату технологических традиций. А, учитывая некачественный обжиг изделий и наличие в тесте шамота, что не свойственно для сосудов этой (парадной) категории, можно предположить и местное их изготовление. Кто был автором этих сосудов – мастер-славянин, осваивающий изготовление новой посуды, или выходец из салтовской среды, утративший связь с традиционными высокотехнологичными центрами производства парадных изделий, определить сейчас невозможно.

Славянским подражанием салтовским сосудам являются находки остатков четырех грубых массивных кувшинов, сделанных лепным способом из грубого теста (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.95, табл. XV, 1) (рис.9, 9). Эти факты, а также приведенные выше свидетельствуют в пользу устойчивого внутреннего синкретизма, проявляющегося в освоении славянскими мастерами новых для себя форм и технологий в производстве посуды. Среди керамических находок Кузнецовского городища привлекает внимание неполный развал еще одного сосуда (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.95-96, табл. XV, 2). Это гончарный горшок, сделанный

из грубой, но хорошо промешанной глины с примесью песка. Он имеет сложный орнамент из рядов прорезанных горизонтальных линий и косых отпечатков зубчатого штампа (рис.9, 8). Исходя из элементов орнамента и способа его нанесения, изделие можно отнести к салтовской гончарной традиции; однако, по профилю и композиции рисунка он близок гончарным сосудам волынцевской культуры (хотя полные аналогии ему нам не известны).

В целом же, относительно керамического комплекса на Кузнецовском городище можно сказать, что здесь господствует славянская боршевская керамика. Но наличие разнообразных фрагментов салтовских сосудов говорит в пользу определенного внешнего синкретизма, проявляющегося на макроуровне. Кроме того, наличие лепных кухонных горшков с салтовской волнистой орнаментацией, остатков пифосов с прочерченным после обжига орнаментом, а также лепных кувшинов позволяет также говорить и об устойчивом, и разнообразном в своих проявлениях внутреннем синкретизме местного производства посуды. Все это свидетельствует в пользу того, что в славянскую общину данного памятника были включены, скорее всего, на соседских условиях и выходцы из Хазарии. Это же подтверждается и материалами ближайшего с городищем Лысогорского могильника.

Лысогорский могильник

Расположен в 200 м к северо-западу от Кузнецовского городища и неоднократно исследовался воронежскими археологами-славяноведами (Москаленко А.Н., 1966б, с.22-24; 1968, с.1-4; Винников А.З., 1974а; 1979б; 1981; 1986; Цыбин М.В., 1997). Большинство комплексов опубликовано (Винников А.З., 1984б, с.46-71; Бессуднов А.Н., Кузнецова С.Е., 1987, с.62-66). Исследователи уже отмечали, что салтовская керамика, представленная во всех четырех разновидностях обрядовых вариантов боршевских погребений, свидетельствует о симбиозе этносов (Винников А.З., 1984б, с.68). Однако не вполне ясно, что автор имел в виду: симбиоз различных групп славян, которые создали верхнедонской вариант боршевской культуры, или симбиоз славян с выходцами из Хазарского каганата? К настоящему времени из почти 200 зафиксированных курганов исследовано 29, в 13 из них есть интересующий нас синкретичный керамический материал (табл.4). Это позволит уточнить степень этнического симбиоза той группы населения, что оставила этот могильник.

В керамическом материале Лысогорского могильника (рис.10) мы видим сходство как с керамикой могильника Белогорский I, так и Белогорский II. С

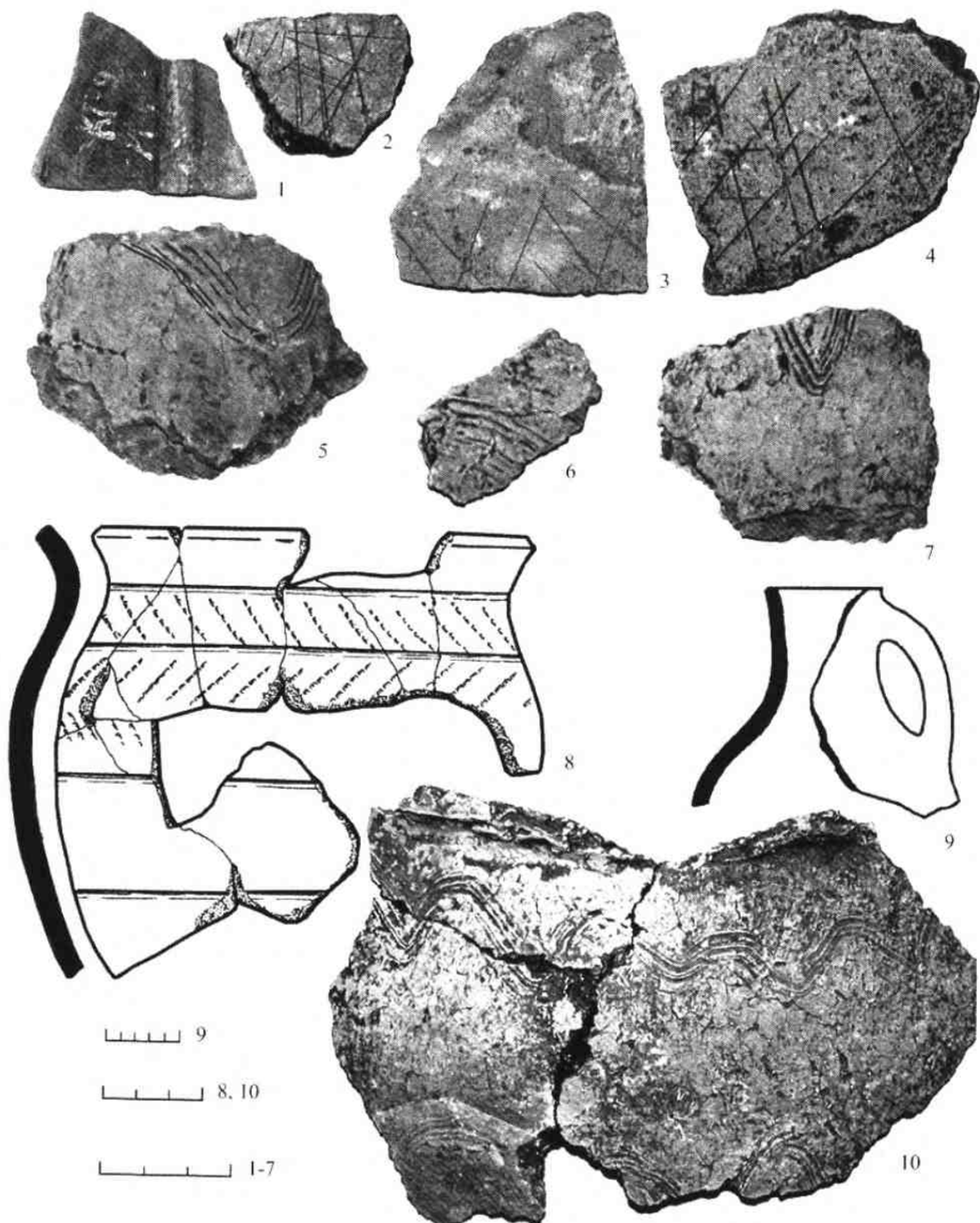

Рис. 9. Керамика Кузнецовского городища: 1-4, 8 – столовая (парадная); 5-7, 9, 10 – кухонная.
 Fig. 9. Pottery of Kuznetsovskoie hillfort: 1-4, 8 – kitchen ware; 5-7, 9, 10 – cooking ware

Табл. 4. Салтовская, синкретичная, волынцевская и боршевская салтоидная керамика Лысогорского могильника

№ кург.	В насыпи	Керамика в погребении				Иллюстрации
		Салтовская	Синкретичная	Волынцевская	Боршевская салтоидная	
1		кувшин				рис.10, 1
2		кувшин			2 горшка (тип 4, 5)	рис.10, 2
4			лепной кувшин			рис.10, 7
6		кувшин ⁹				рис.10, 6
7				лепной горшок	горшок (тип 3)	рис.10, 11
9		кувшин				рис.10, 3
10	фраг.	кувшин		гончар. горшок		рис.10, 4, 12
11					2 горшка (тип 5 ¹⁰ , 9)	рис.10, 13, 15
16					горшок (тип 5 ¹¹)	рис.10, 16
17		горшок			2 горшка (тип 3)	рис.10, 8
20		горшок*			3 горшка* (тип 3,4,6)	рис.10, 9
24					горшок (тип 7)	рис.10, 14
26		кувшин		гончар. горшок	2 горшка (тип 3)	рис.10, 5, 10

* – наличие кальцинированных костей в сосуде

первым его роднит достаточно большое количество салтовских (аланских) и причерноморских гончарных сосудов (22,3% от общего числа раскопанных курганов¹²), а также использование салтовского сосуда в качестве погребальной урны (к.20). Сходство со вторым могильником проявляется в наличии боршевских лепных салтоидных горшков (типы 7 и 9), горшков волынцевского типа и лепного кувшина с ручкой (к.4). В четырех комплексах (к.2, 17, 20 и 26) салтовская гончарная керамика найдена совместно с традиционными боршевскими лепными горшками (типы 3-6). Дважды (к.10, 26) гончарные кувшины обнаружены в сочетании с гончарными

волынцевскими горшками. Отметим, что оба явления имеют аналогии в I и II Белогорском могильниках. В Лысогорье, как и в Белогорье, зафиксировано наличие фрагментов салтовского сосуда в насыпи (к.10).

Для понимания синкретизма лысогорского керамического комплекса считаем необходимым обратить внимание на два волынцевских горшка и новое проявление синкретизма в производстве лепных боршевских горшков. Прекрасный по качеству и орнаментации гончарный горшок из к.26 был поврежден (рис.10, 10). Но это повреждение не связано с обрядом захоронения, когда в могилу

⁹ Красноглиняная крымская ойнохойя.

¹⁰ Салтовский многорядный орнамент.

¹¹ Салтовский орнамент.

¹² Этот показатель по I Белогорскому могильнику составляет 58,35%.

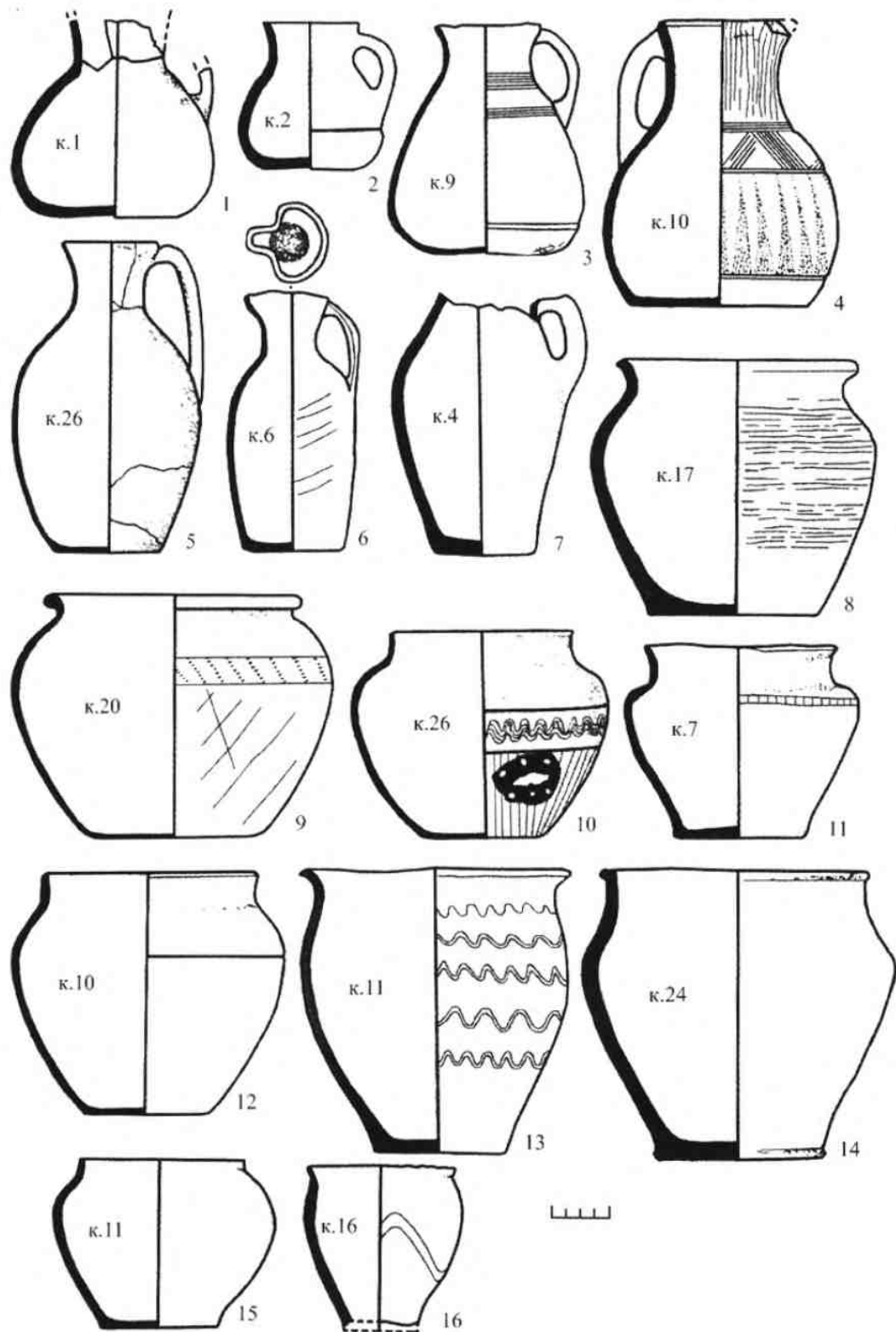

Рис. 10. Керамика Лысогорского могильника: 1-7 – кувшины; 8-15 – горшки.
 Fig. 10. Pottery of the Lysogorskiy burial ground: 1-7 – jugs; 8-15 – pots

помещают преднамеренно поврежденную вещь, что, в общем-то, известно для населения юга Восточной Европы в рассматриваемый период. Рассматриваемый сосуд имел следы тщательного ремонта, о чем свидетельствуют 6 сквозных отверстий. Это изделие было ценным для его обладателя при жизни (так как приобрести подобный и заменить утраченный сосуд на новый он уже не мог), а затем ушел с ним в мир иной. Редкость и ценность гончарных волынцевских сосудов свидетельствует лишь о том, что небольшая группа с Днепровского Левобережья, прибывшая сюда в сер. – 2-й пол. VIII в., оказалась напороч оторванной от своей территории. Однако она сберегала все, что с ней связано, и пыталась поддерживать традиции прошлого, в том числе и в быту, материальном производстве.

Воплощением последнего тезиса служит лепной горшок из к.7 (рис. 10, 11). По форме он близок к волынцевским, но его венчик уже несколько отогнут, хотя общий силуэт сосуда сохранен. На поверхности сосуда изготовитель пытался воспроизвести, скорее всего, по памяти, традиционный узор по плечу, состоящий из двух прочерченных полос и вертикального лощения. Элементы орнамента те же, что и у классических волынцевских сосудов, а вот технология нанесения и стилистика – иные, максимально упрощенные. Все сведено к процарапыванию. Внешний облик, форма и орнамент этого сосуда говорят о постепенной утрате технологических приемов и орнаментальных традиций в новой этнокультурной среде. Это повышало ценность сберегаемых предметов, связанных с территорией происхождения, с одной стороны, и способствовало процессу аккультурации¹³ – с другой. С нашей точки зрения, этот сосуд – достойное воплощение внутреннего синкретизма керамических традиций окских вятичей и поднепровских славян (ранних северян).

Выше мы уже касались салтоидности некоторых форм боршевских лепных горшков (типы 7-9). Лысогорский могильник дал новые примеры культурного воздействия салтовского населения на славян Верхнего Дона. К ним мы относим традиционные боршевские горшки 5 типа из погребений к.11 и к.16. По тулову первого из них нанесено пять рядов двойных волнистых линий (рис. 10, 13), в чем мы видим не только экстраполяцию салтовского орнамента на славянский лепной кухонный горшок, но и определенную композиционную переработку орнаментального элемента. Новация мастера-изготовителя заключалась не только в использовании

данного орнаментального мотива для лепного изделия, но и в попытке украсить им максимально видимую часть сосуда. Это привело к пятирядной композиции из двойной волнистой линии, чего нет даже в исходных салтовских изделиях. Создатель второго сосуда также пытался охватить волнистым орнаментом всю поверхность изделия, но пошел иным путем: он провел две (местами прослеживаются три) условно параллельных волнистых линии с максимально возможной амплитудой (рис. 10, 16). Таким образом, боршевские мастера, заимствуя такой не свойственный им элемент орнамента, как прорезанная волнистая линия, пытались его применить, творчески переработав.

Подводя итог рассмотрению синкретичных явлений в керамике Лысогорского могильника, следует отметить, что они полнее, разнообразнее и богаче, чем на любом из выше описанных памятниках Верхнедонского славянского региона. Наряду с традиционным для этой группы памятников внешним макроуровневым синкретизмом, здесь прослеживается и внутренний (на обоих уровнях). Внутренний синкретизм проявился на макроуровне в создании лепного одноручного кувшина, лепной имитации гончарного волынцевского горшка и в изготовлении салтоидных горшков. Это же явление на микроуровне представлено также разнообразно: подражание волынцевской и салтовской орнаментации при сохранении лепной технологии, а зачастую и типологии изделий.

Сказанное выше свидетельствует о безусловных широких контактах этой группы населения с окружающим миром, куда, кроме восточных славян, входило и население из Хазарского каганата. Кроме того, это свидетельствует не только о существовании представителей различных групп славянского и алано-болгарского населения в рамках одной территориальной общины, но и о постепенном процессе взаимной ассимиляции разнотнечных групп в процессе совместного проживания, ведения хозяйства и семейно-брачных отношений.

Городище “Михайловский кордон”

Расположено в 1,5 км в северу от Кузнецовского городища. Оно неоднократно изучалось; его материалы частично опубликованы (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.107-109; Винников А.З., 1987; 1990в; 1992, с.7-8; Пряхин А.Д. и др., 1997б, с.29-32). Исследователи сообщают, что ≈ 10% ке-

¹³ Под этим термином в этнопсихологии подразумевается результат длительного контакта групп разнотнечного состава в рамках общей межкультурной адаптации, который выражается в изменении первоначальных форм поведения или ценностных ориентиров у одной или нескольких групп (Кукушкин В.С., Столяренко Л.Д., 2000, с.180-181).

рамического материала культурного слоя памятника составляет гончарная салтовская керамика, часть которой представлена фрагментами кухонных горшков с традиционным для них орнаментом из горизонтально прочерченных полос (Винников А.З., 1987, с.64, рис.105). Это же подтверждается и работой с коллекцией находок с городища в АМБУ, где, кроме кухонной, обнаружены фрагменты и столовой салтовской посуды (рис.11, 1-7). Налицо макроуровневый синкретизм керамического комплекса памятника, который носит внешний характер.

Однако одна из находок требует более пристального внимания. Это лошило, сделанное из фрагмента сосуда тонкодисперсного, плотного теста, созданного, скорее всего, на гончарном круге. У него сохранились и остатки ручки (рис.11, 8 – кувшин?). Прежде всего привлекает внимание угол прилегания ручки к шейке сосуда. Он практически прямой. При достаточно больших размерах ручки это не соответствует традициям салтовского гончарного производства кувшинов, кружек или парадных пифосов (амфора в данном случае полностью исключается), хотя серый цвет обжига и высокое качество теста свидетельствуют в пользу столового сосуда. Кроме того, тщательно заглаженная до плоского состояния бывшая внутренняя поверхность сосуда и скругленный верхний край позволяют предположить, что перед нами – орудие для нанесения лощеного орнамента на посуду. Незначительная изученность этого городища не позволяет определенно утверждать, но дает возможность предположить, что на этом памятнике жили аланы, производящие на месте не только кухонную, но и, частично, столовую посуду.

Таким образом, есть все основания свидетельствовать в пользу того, что на городище “Михайловский кордон” в конце I тыс. н.э. проживало этнически смешанное население, состоящее в подавляющем большинстве из славян и, частично, из алан – выходцев из Хазарии или Северного Кавказа.

Животинное городище

Этот памятник является одним из наиболее изученных славянских памятников на р.Воронеж и в Верхнедонском ареале вообще (Винников А.З., 1976; 1978б; 1983б; 1984а; 1986; 1987; Ковалевский В.Н., 1997; 1998). Столь продолжительные исследования и значительная вскрытая площадь позволили получить обильный и разнообразный керамический материал, среди которого гончарная салтовская посуда занимает незначительное место (менее 1%). Следует, однако, заметить, что здесь, хотя и в небольшом количестве, найдены осколки амфор, фрагменты столовых лощеных кувшинов

и парадных пифосов, а также обломки кухонным горшков с орнаментом из прочерченных горизонтальных полос (рис.11, 9-13).

Кроме того, в культурном слое и жилых комплексах найдены интересные лепные боршевские сосуды различной степени сохранности, несущие на себе следы салтовского влияния. Особенно богат на такие артефакты наибольший по площади раскоп в центре главного двора (№ 2). Кроме того, что здесь в культурном слое был выявлен почти целый волинцевский сосуд (Винников А.З., 1985а, с.3, рис.14, 5), здесь также найдены фрагменты лепных боршевских горшков с элементами салтовской орнаментации (Винников А.З., 1985а, с.3, рис.11, 2; 12, 2, 4). Есть тут фрагменты лепных горшков, на которых симитирован салтовский орнамент из гребенчатых отпечатков, но сделанных местным мастером при помощи одиночных вдавлений торцом тонкой палочки (рис.12, 1). Отдельные сосуды орнаментировались традиционным для боршевской керамики веревочным штампом по плечу и гребенчатым – по отогнутому краю венчика (рис.12, 5). Напомним, что штамп-“гребенка” является характерной чертой именно изготовителей салтовских кухонных горшков. На некоторые сосуды (по плечу или шейке) были нанесены горизонтальные прочерченные линии, причем для этого не использовался гребенчатый штамп, употреблявшийся с этой целью салтовскими мастерами. Каждая линия прочерчивалась отдельно (рис.12, 4, 6). Известны такие артефакты и в раскопе 5 (рис.12, 2).

Не менее примечательны и комплексы этого памятника. Так в постройке 28 (раскоп 2) среди массы лепных боршевских сосудов есть один, подправленный на гончарном круге с размашистым волнистым орнаментом (Винников А.З., 1985а, с.23-27, рис.37, 3; 55, 4) (рис.13, 1). В заполнении постройки 31 того же раскопа, в том числе и на полу, в массе лепной боршевской керамики обнаружены фрагменты с аналогичным орнаментом (рис.13, 2, 4), а также 2 фрагмента с горизонтально прочерченными линиями (рис.13, 3, 5) (Винников А.З., 1985а, с.34-37, рис.77, 2, 3; 78, 2, 5). Отметим, что линии наносились по одной, а не “гребенкой”, орнамент занимал всю видимую часть фрагментов, а на одном из сосудов этот орнамент был дополнен косыми отпечатками зубчатого веревочного штампа (рис.13, 5). С точки зрения синкретичности керамического комплекса, более показателен материал из соседней постройки 33 (рис.13, 8-11). В ней присутствовали фрагменты гончарных салтовских горшков, а также довольно редкая для этого городища верхняя часть салтоидного лепного горшка 7 типа (Винников А.З., 1985а, с.39-49, рис.87, 88) (рис.12, 7). Немало фрагментов боршевских лепных горшков несли на себе печать орнаменталь-

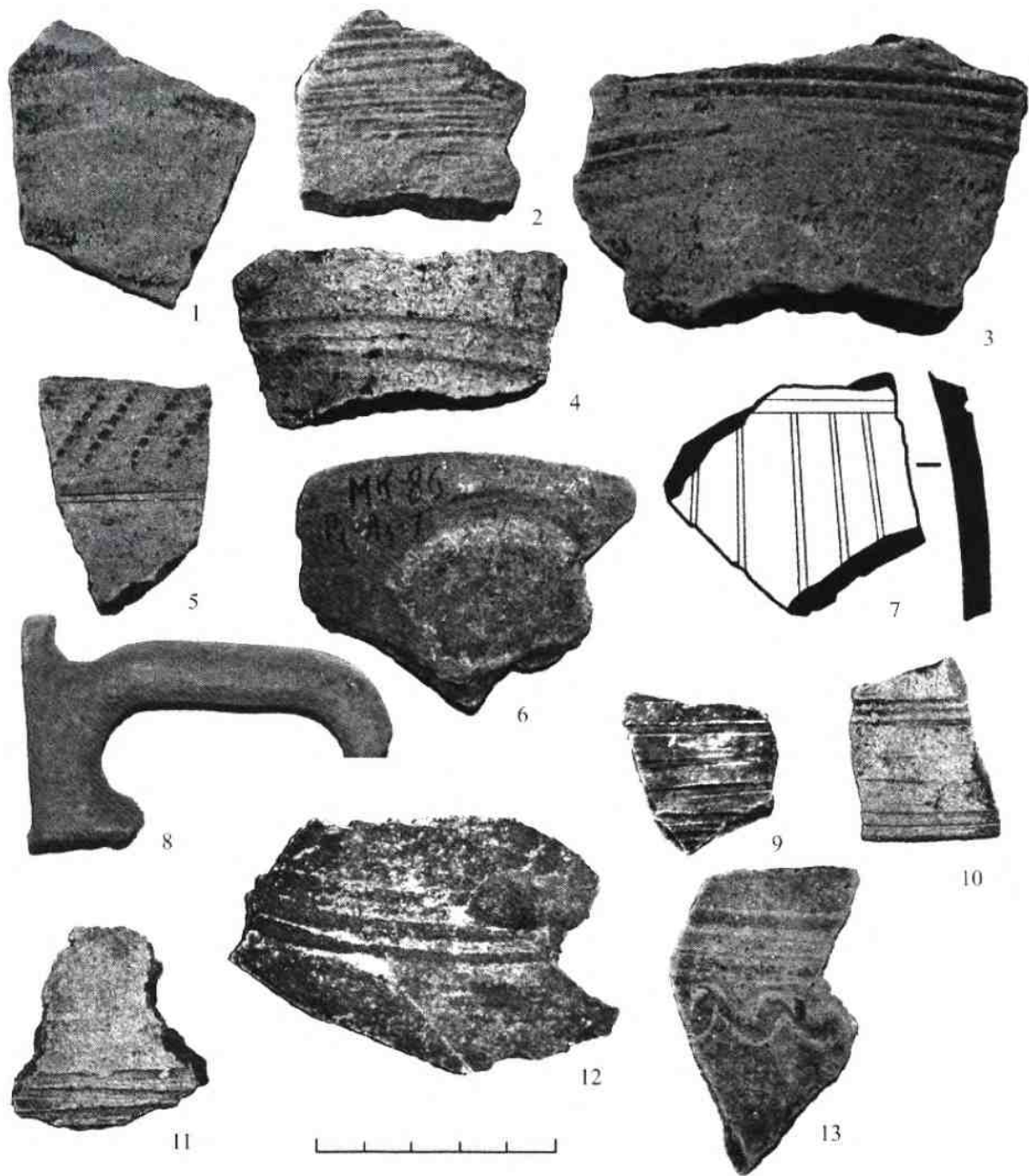

Рис. 11. Салтовская керамика с верхнедонских городищ: 1-8 – Михайловский кordon; 9-13 – Животинное.

Fig. 11. Saltovo pottery from the Upper Don hillforts: 1-8 – *Mikhailovskiy kordon*; 9-13 – *Zhyvotimnoye*

ного влияния салтовской керамической традиции. Тут найден фрагмент с небрежно прочерченными горизонтальными линиями по тулову (рис. 13, 9). Несколько обломков были орнаментированы размашистой волнистой линией. Обратим внимание еще на одну новацию славянских изготовителей – на двух фрагментах “салтовская” волнистая линия

по тулову сочеталась с таким славянским орнаментальным элементом как пальцевые вдавления по шейке (рис. 13, 8, 10), а на одном – по отогнутому краю венчика (рис. 13, 11).

В постройке 46 обнаружены остатки необычно орнаментированных лепных кухонных горшков (Винников А.З., 1985а, с.17, рис. 36, 2, 6). Один из

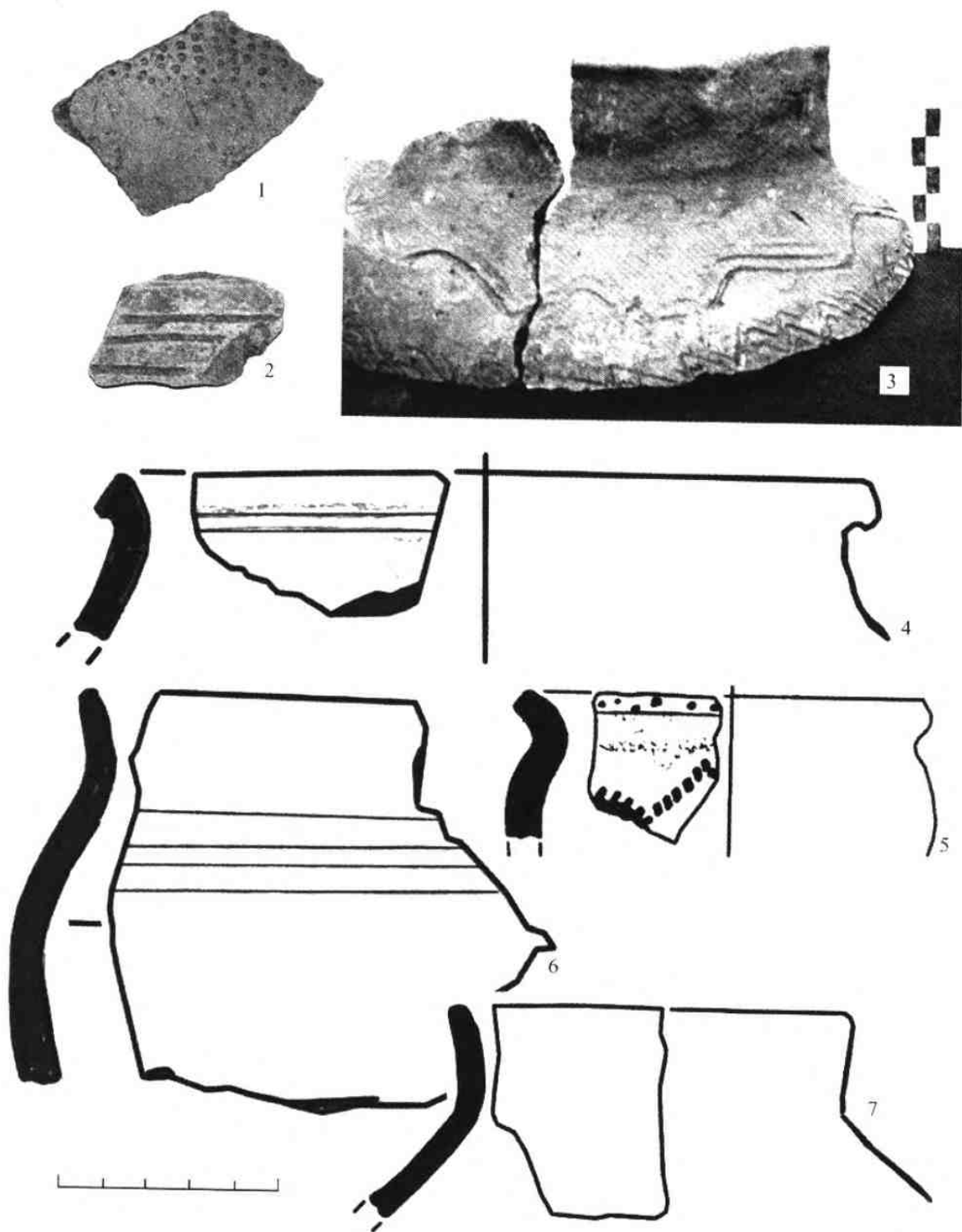

Рис. 12. Синкретичная керамика из культурного слоя Животинного городища: 1, 4-6 – раскоп 2; 2, 3 – раскоп 5; 7 – постройка 33.

Fig. 12. Syncretic pottery from the finds of Zhyvotinnoye hillfort: 1, 4-6 – excavation site 2; 2, 3 – excavation site 5; 7 – building 33

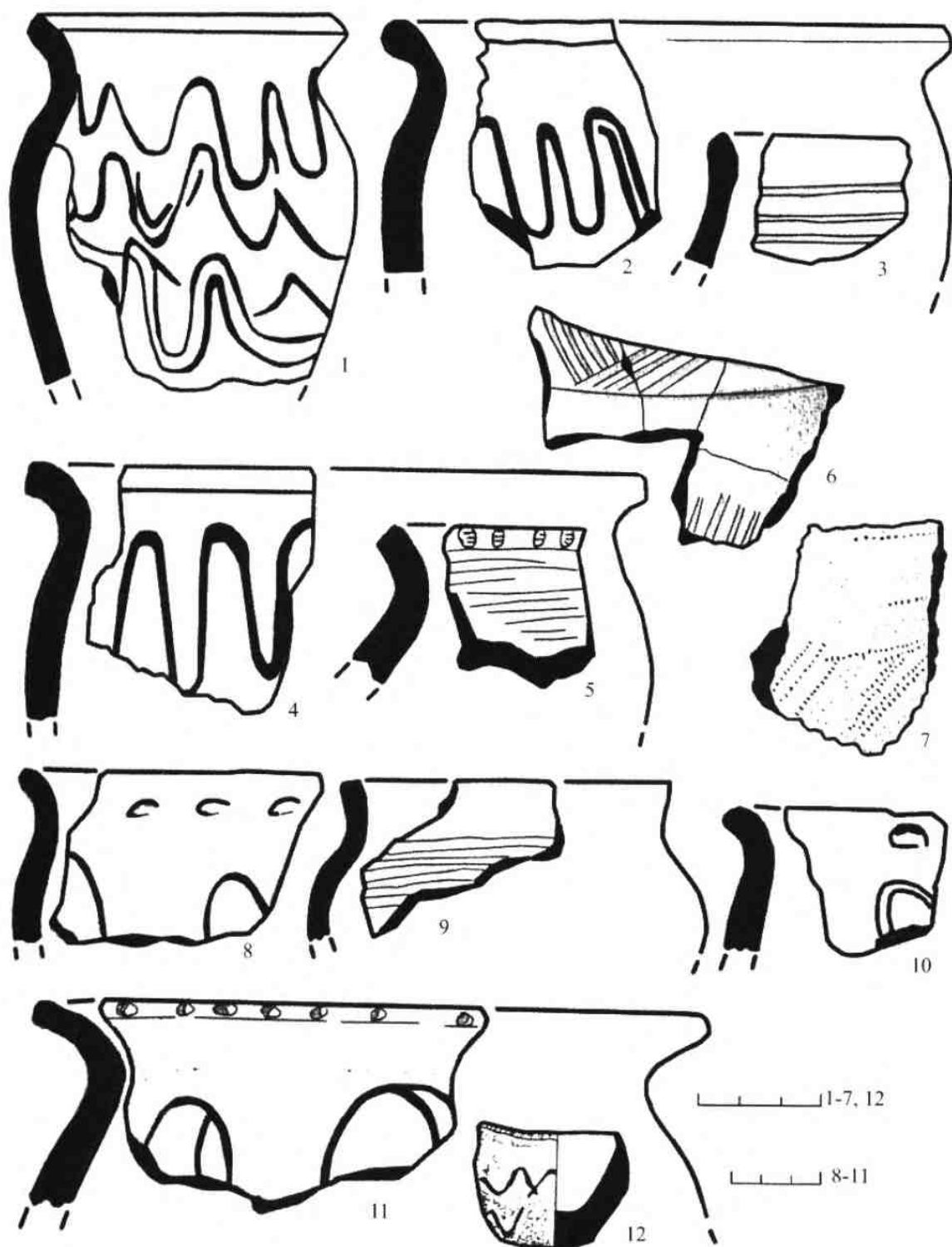

Рис. 13. Синкретичная керамика из построек Животинного городища: 1 – постройка 28; 2-5 – постройка 31; 6, 7 – постройка 48; 8-11 – постройка 33; 12 – постройка 63.

Fig. 13. Syncretic pottery from Zhyvotinnoye hillfort: 1 – building 28; 2-5 – building 31; 6, 7 – building 48; 8-11 – building 33; 12 – building 63

них украшен накольчатым узором. Орнамент нанесён гребенчатым штампом, имеющим большое количество зубчиков. Его горизонтальные оттиски размещались по краю венчика и под ним, а также на плечике, где они были нанесены наискось (рис.13, 7). Здесь мы видим, что мастер имел орудие, необходимое для качественного нанесения орнамента (все оттиски четкие), но композиция далека от оригиналов. Второй горшок имел орнамент из прочерченных по тулову полос (рис.13, 6). В этом случае изготовитель взял за образец салтовский столовый (парадный) сосуд. Однако вместо традиционного для алан лошеного орнамента он применил здесь графическую (резную) технику. И в этом случае мы видим определенную новацию, связанную с тем, что качество боршевского керамического теста не давало практической возможности для лошения, а желание создать орнамент уже присутствовало – налицо творческая переработка нанесения иносцинического для славянской среды орнамента.

Замечательная находка была сделана в постройке 63 (раскоп 5). В заполнении котлована наряду с лепной боршевской керамикой найдено несколько фрагментов от “красноглиняных” салтовских сосудов, а в столбовых ямках обнаружены миниатюрные (культовые) сосудики (Ковалевский В.Н., 1998, с.4-7, рис.22-24). Примечательно, что один из них был украшен размашистым волнистым двухрядным орнаментом по всему тулову (рис.13, 12). Мы согласны с автором раскопок, что это закладная жертва, совершенная после подготовительных работ в котловане перед возведением постройки. Это значит, что этот, салтовский по происхождению, орнамент к указанному моменту воспринимался как естественный, свой, не нарушающий общение людей с потусторонними силами. Остается добавить, что в том же пятом раскопе найден фрагмент верхней части лепного горшка 7 типа¹⁴, украшенный рядами волнистых линий по плечу. Отметим, что в данном случае волнистые полосы наносились трехзубчатым штампом, что крайне редко встречается в практике салтовцев, и впервые – на боршевском памятнике (рис.12, 3).

Подводя итог рассмотрению керамического комплекса Животинного городища, обращаем внимание на то, что среди обилия лепной боршевской керамики выявлены немногочисленные, но весьма показательные материалы, свидетельствующие о разнообразных проявлениях синкретизма в керамическом комплексе его населения. Здесь нет сосудов синкретических форм, как это отмечено на II Белогорском или Лысогорском могильниках, а из салтоидных горшков представлен лишь один тип

– 7. Однако боршевское лепное керамическое производство испытало на себе немалое декоративное влияние со стороны салтовского гончарства. Среди наиболее популярных салтовских мотивов на местных боршевских сосудах следует признать орнамент из горизонтально прочерченных волнистых линий. Большинство из них – одиночные, нанесены размашисто и небрежно, что сближает их с орнаментацией горшков Лысогорского могильника. Примечательны сосуды с глубоким внутренним синкретизмом, что проявилось в сочетании разнокультурных орнаментальных элементов в одном изделии: салтовских (прочерченные прямые и волнистые линии) и славянских (пальцевые вдавления, отпечатки веревочного штампа). Примером могут служить находки в постройках № 31, 33 (рис.13, 5, 8, 10, 11). Подобные находки, по нашему убеждению свидетельствуют о том, что мастер – создатель изделия – был уже носителем различных традиций, творчески перерабатывая культурное наследие нескольких этносов. На материалах этого памятника мы впервые можем говорить об использовании славянами-боршевцами гребенчатого штампа, хотя в большинстве случаев горизонтальный или волнистый орнаменты создавались орудием с одиночным острием.

Таким образом, проанализировав керамический материал Животинного городища, следует сказать, что в составе довольно монолитной славянской общины проживало некоторое количество алан, а, возможно, и болгар. В процессе добрососедских и семейно-брачных отношений появляется небольшая группа населения, впитавшая в себя культурные традиции двух-трех этносов и ставшая, по сути, носителем и популяризатором синкретических явлений в керамическом производстве. Наиболее убедительным аргументом глубокого культурного синкретизма части населения памятника стало изготовление и использование синкретичной культовой керамики.

Первый предварительный вывод

В целом Верхнедонская группа боршевских памятников дает богатый керамический материал, свидетельствующий о разнообразном технологическом, морфологическом и декоративном влиянии салтовского керамического производства на эту группу славян. Проанализированные артефакты говорят о долговременных мирных отношениях восточнославянского и алано-болгарского населения Хазарии практически с момента заселения этой территории выходцами с Поднепровья и Оки. Особенно интенсивными эти контакты становятся,

¹⁴ Фрагмент обнаружен автором в коллекционных фондах АМБУ и имеет шифр: ЖГ-98, Р5-Ф3, 2.

как уже верно отмечалось воронежскими славяноведами, с X в. (Москаленко А.Н., 1965, с.149-150; Винников А.З., 1985б, с.126). Полученные данные говорят не только о сосуществовании, но и о культурном и этническом смешении части населения.

Среднедонская группа

Славяно-русские памятники Среднего Дона расположены компактной группой на высоком правом берегу реки, от устья р.Воронеж до устья Тихой Сосны, которая одновременно является и одним из участков северо-западного пограничья Хазарского каганата. Казалось бы, более тесная (территориально более близкая, чем по р.Воронеж) контактная зона двух этнических массивов должна была проявиться феноменом и большего синкретизма в керамике. Однако исследователи единогласны в том, что салтовской, салтоидной, а от себя добавим, и синкретичной керамики здесь гораздо меньше (Москаленко А.Н., 1965, с.26-28; Винников А.З., 1990а, с.298). Рассмотрим эти материалы.

Городище Титчиха

Памятник является наиболее южным славянским городищем на Дону. Исследовался А.П.Москаленко в течение 1954-1962 годов. Это самое изученное среднедонское славянское городище – вскрыто более 7000 м², из них почти 95% раскопано сплошной площадью (Пятьдесят полевых сезонов ..., 1997, с.153).

К боршевским лепным изделиям относится 77% керамических фрагментов, но есть и лепная керамика, подправленная на гончарном круге (рис.14, 1-4), которую автор раскопок и публикации отнесла к группе "В" (Москаленко А.Н., 1981, с.26-27, рис.33). Однако, судя по профилям и орнаментации, это, скорее, славянские, улучшенной технологии под воздействием салтовских технических традиций или же салтоидные славянские горшки 8 типа, по классификации А.З.Винникова, несущие на себе традиционный салтовский орнамент (рис.14, 1, 3). Обратим внимание, что в этих случаях мы видим использование мастером 3-5-зубчатого гребенчатого штампа, столь широко распространенного на территории лесостепной Хазарии. Есть здесь и лепные сосуды округлобочных форм, которые можно вполне отнести к типу 9 (рис.14, 5-8). Автор раско-

пок относит последние к пятой группе боршевской керамики (группа "Д"), отмечая, что встречаются они по всему городищу, а также в ряде комплексов (особенно много в полуземлянке 2). Отметим также, что эта категория изделий характеризуется плотным тестом с добавлением песка и мелкого шамота, что делало их поверхность гладкой. По подсчетам исследователя последняя группа составляет 5% от всей керамики на памятнике (Москаленко А.Н., 1965, с.27-28, рис.34). Таким образом, можно констатировать, что на Титчихинском городище представлены все три салтоидных типа боршевских лепных горшков (типы 7-9), изредка подправленных на гончарном круге (Москаленко А.Н., 1981, с.136; Винников А.З., 1982, с.168-171).

Помимо описаний и иллюстраций в отчетах и публикациях, в фондах АМБУ есть немало интересных фрагментов лепных боршевских сосудов, изготовленных из песчанистого теста с мелким шамотом, некачественного, зачастую кострового обжига, но несущих на себе традиционный салтовский многорядный орнамент из прочерченных горизонтальных или волнистых линий. Иногда этот орнамент покрывал всю видимую поверхность фрагмента, а возможно, и все тулово сосуда практически до дна (рис.15, 1-3, 5-7). В целом же, салтовский по происхождению линейно-волнистый орнамент отмечен лишь на 1% керамики памятника (Винников А.З., 1978а, с.57).

Особо хочется отметить фрагмент гончарной сковороды их плотной, хорошо промешанной глины, бортик которой украшен орнаментом из прочерченных волнистых линий (Москаленко А.Н., 1965, с.125, рис.43, 5; 1981, с.137, рис.27, 10). Данное изделие уникально для рассматриваемой контактной зоны (рис.14, 13).

Гончарные салтовские сосуды составляют 10% керамического материала памятника. Это, как правило, фрагменты гофрированных амфор, столовых сосудов, парадных пифосов и красноглиняных, скорее всего, крымских, кувшинов различной степени сохранности (рис.14, 9-12). Причем отметим, что на остальных исследованных среднедонских боршевских памятниках эти фрагменты единичны (Москаленко А.Н., 1965, с.29, 310; Винников А.З., 1990а, с.298). Присутствие на рассматриваемом памятнике салтовских гончарных кухонных горшков с традиционным для них горизонтальным прочерчиванием ярусами – крайне незначительно¹⁵. Хотелось отметить и обломок пряслица, изготовленного из стенки салтовского кухонного сосуда, хранящийся в коллекции артефактов городища, на котором про-

¹⁵ В тексте докторской диссертации А.З.Винникова говорится, что их на памятнике нет совершенно (Винников А.З., 1990а, с.298), но это не совсем так. Просмотр коллекций в областном музее г.Воронежа и в АМБУ все же позволил выявить несколько фрагментов этих изделий.

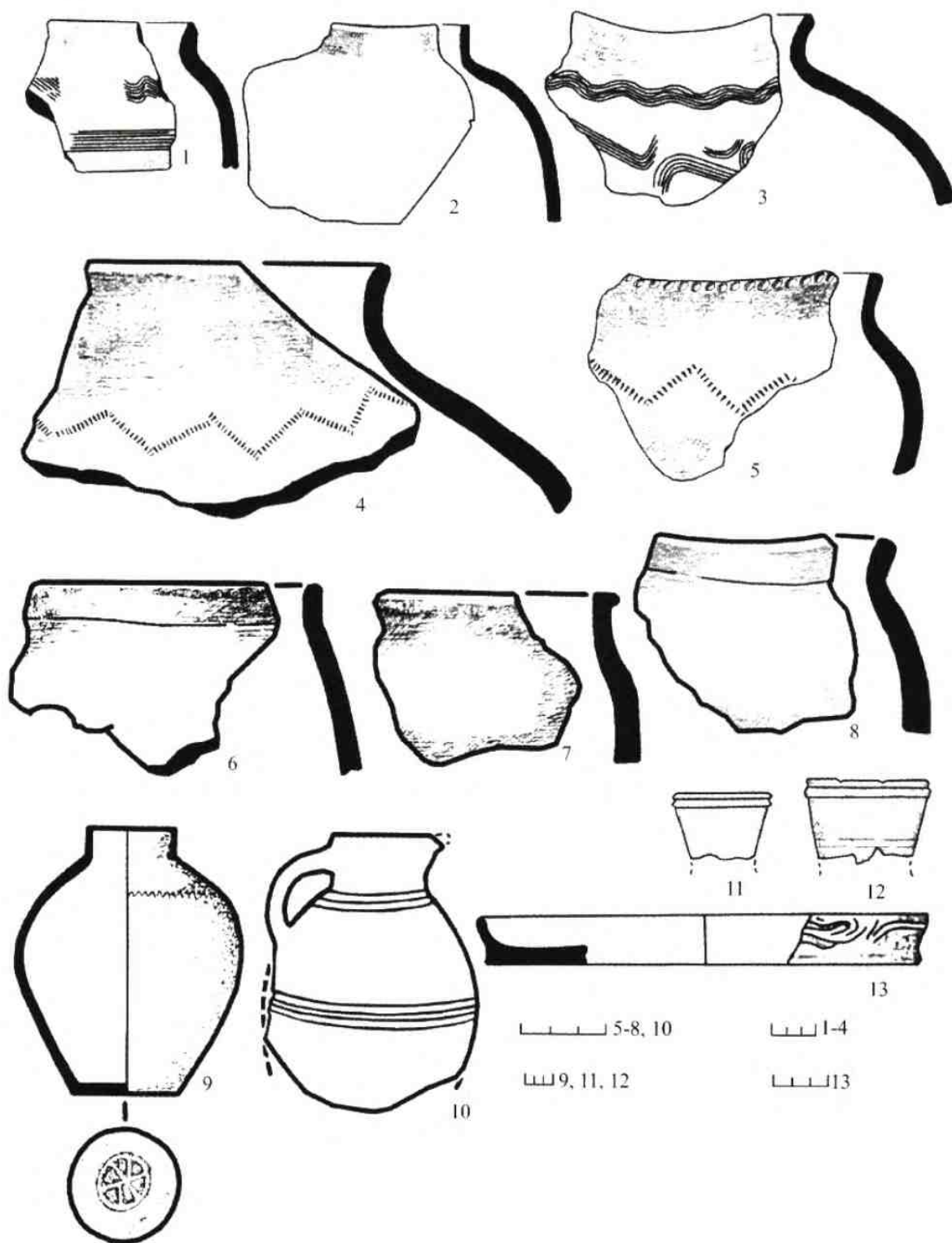

Рис. 14. Салтовидная и салтовская керамика городища Титчиха.
 Fig. 14. Saltov-like and Saltov pottery from Titchikha hillfort

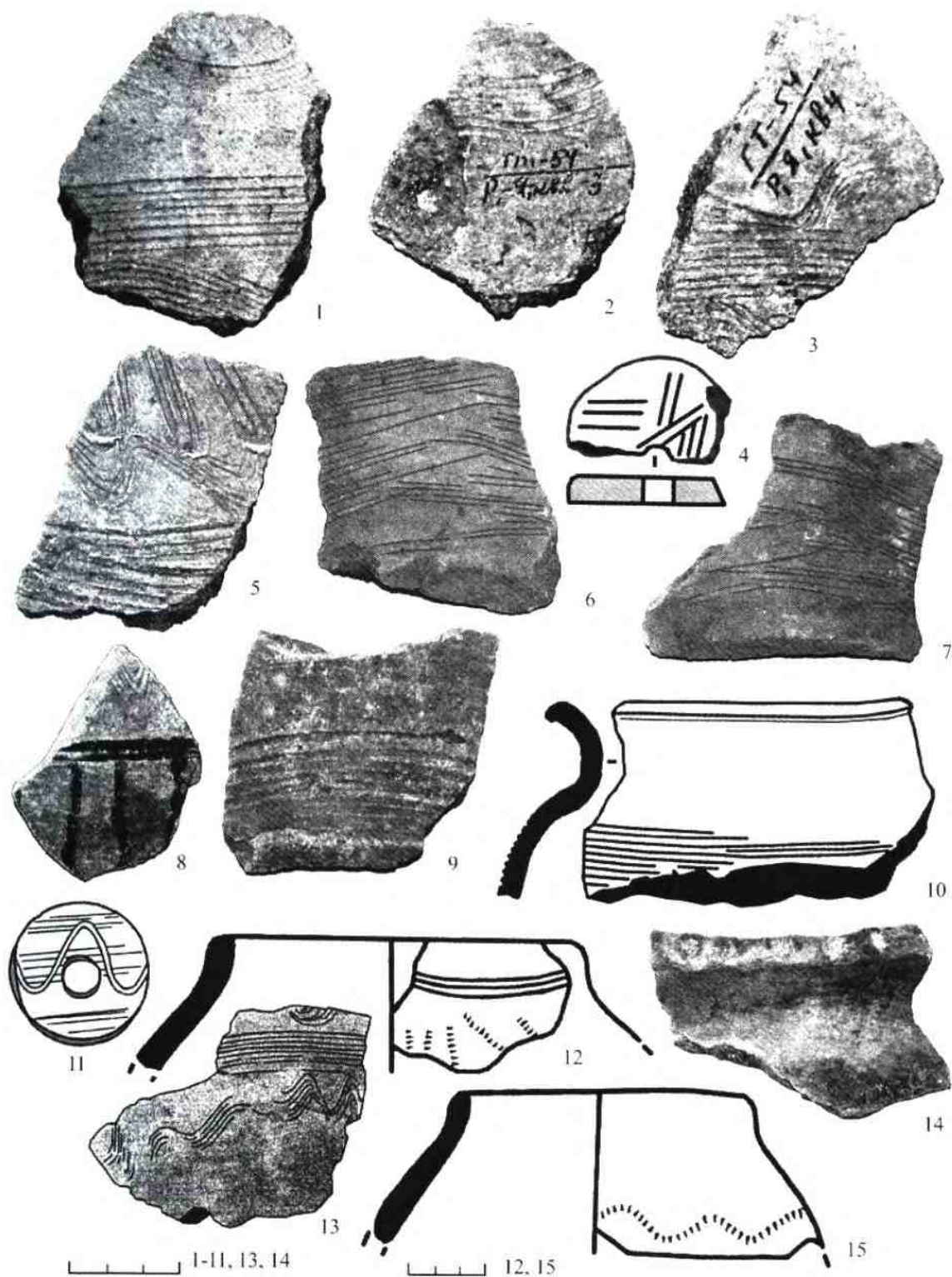

Рис. 15. Керамические изделия со среднедонских городищ: 1-7 – Титчиха; 8-10, 12-15 – Большое Боршевское; 11 – Архангельское.

Fig. 15. Pottery from the Medium Don hillforts: 1-7 – Titchikha; 8-10, 12-15 – Bolshoie Borshevo; 11 – Arkhangelskoie

читывается графический орнамент (рис. 15, 4). Среди фрагментов салтовских сосудов на Титчихе есть и лепные; на двух из них выявлены процарапанные граффити (Москаленко А.Н., 1981, с.138).

В целом же, следует обратить внимание на то, что наряду с традиционным для боршевских городищ макроуровневым внешним синкретизмом, который выражался в использовании привозной салтовской посуды, здесь проявлялся и внутренний. Последний был обнаружен лишь на микроуровне – в виде горизонтального волнистого и прямого прочерченного орнаментов не только на горшках, но и на типичной славянской сковороде. В целом же, исходя из масштабов исследованной площади и количества полученных артефактов, следует признать, что синкретизм керамического комплекса был незначителен.

Исходя из полученных сведений, можно предположить, что на славянском памятнике вместе с боршевцами мирно сосуществовали болгары, а также аланы, которые в отрыве от своих высокотехнических центров по производству керамики (в том числе и кухонных горшков) продолжали их создание в новых условиях. В подтверждение тому, что именно аланы изготавливали редкие экземпляры лепных и подправленных на гончарном круге горшков с прочерченным орнаментом, есть ряд аргументов. Во-первых, для этих сосудов использовалось более качественное, хорошо вымешанное тесто, отличное от того, которое шло на изготовление традиционных боршевских кухонных горшков. Во-вторых, орнаментация сделана без нарушения технологии – по сырому тесту с использованием традиционного для алан мелкого гребенчатого штампа. В-третьих, орнамент нанесен твердой опытной рукой, линии параллельны, а гребни волн находятся на одном уровне и на одинаковом расстоянии друг от друга (орнамент наносил явно не новичок).

Таким образом, мастер-изготовитель был хорошо знаком с технологическими этапами создания салтовских кухонных горшков. Однако отсутствие гончарного горна заставляло его использовать для обжига открытый огонь или обычные бытовые печи, что не позволяло получить качественный полностью пропеченный черепок. Возможно, использовались и специализированные печи для тигельного производства железа (Рындина Н.В., 1965, с.263-264; Колода В.В., 1999, с.53). Отсутствие горна может быть объяснено несколькими причинами. Вполне вероятно, что этот человек не имел опыта и навыков создания такого непростого технического сооружения, каким был салтовский двухкамерный

гончарный горн. Кроме того, создание и использование горна связано с изготовлением большого количества (нескольких партий) изделий, что свидетельствует о товарности производства¹⁶, а этого не могло быть при господстве лепных керамических технологий в изготовлении славянских кухонных горшков на рассматриваемом памятнике, и было экономически нецелесообразно.

О присутствии болгарской этнической компоненты на поселении косвенно свидетельствует незначительное количество лепных салтовских сосудов, которые трудно представить в качестве необходимого для местных славян импорта. Кроме того, вероятно, тюркоязычные кочевники (в том числе и болгары) были посредниками при поступлении высококачественных гончарных изделий из крымских и приазовских мастерских.

Существенный процент салтовской гончарной керамики на Титчихе и ее практическое отсутствие на иных памятниках Среднего Подонья выделяют рассматриваемое городище как определенный форпост в обменной торговле донских славян и соседствующего с ним населения Северо-Западной Хазарии. Вполне вероятно, что значительное количество салтовской и салтоидной керамики на данном памятнике связано и с относительно большим присутствием здесь выходцев из Хазарии.

Архангельское городище

Оно расположено близ одноименного села, севернее городища Титчиха, на том же правом берегу Дона. Неоднократно исследовалось воронежскими археологами. Несколько сезонов его изучением занималась А.Н.Москаленко (1953; 1954; 1966б), что позволило ей вскрыть значительную площадь – более 1200 м². Полученные материалы частично опубликованы (Москаленко А.Н., 1952, с.103-105; 1956, с.84-94). Исследователи отмечают присутствие здесь незначительного количества салтовской тарной керамики (пифосы, амфоры, кувшины), которое свидетельствует об устойчивых торговых связях местных жителей и населения Хазарии (Винников А.З., 1990а, с.298). Добавим, что на городище найдены пряслица, сделанные из стенок салтовских сосудов. Традиционно для этого использовались амфорные фрагменты или обломки столовых сосудов (ввиду плотности их теста). Однако одно из них, украшенное волнистым орнаментом поверх горизонтально прочерченных полос, было изготовлено из стенки салтовского кухонно-

¹⁶ Отметим, что наличие гончарных горнов связано с ремесленными центрами массового (товарного) керамического производства в среде салтовских племен. Наиболее полная сводка этих центров приведена в одной из наших работ (Колода В.В., 2001, с.223).

го горшка (Москаленко А.Н., 1956, с.91, рис.36, 8) (рис.15, 11). Такой предмет создавался на месте использования, что свидетельствует о бытовании на поселении и кухонной салтовской посуды.

Имеющиеся данные уверенно свидетельствуют лишь о макроуровневом синкретизме керамического комплекса, который носит внешний характер (амфоры, большие кувшины). Но вышеописанная находка пряслища и упоминание о пифосах (без конкретного указания на то, парадные ли это изделия или предназначенные для долговременного хранения зернового урожая) оставляют возможность предположить и иное. Толстостенные пифосы из шамотного теста весьма непрочны, они имеют большой объем. Все это крайне затрудняет их транспортировку и свидетельствует, скорее всего, об их местном изготовлении. Славянские традиции хранения продуктовых запасов иные – для этого использовались хозяйственные ямы, погреба, большие горшки, а использование пифосов – салтовская (северокавказская, крымская) традиция. А если это так, то хотя бы незначительная часть салтовского населения пребывала на территории городища. Возможно, это были небольшие группы индигенного в славянской среде населения, обеспечивающие сбор дани или осуществление торговли с Хазарским каганатом.

Малое Боршевское городище

Расположено близ эпонимного с.Боршево на высоком правом берегу Дона. Благодаря исследованиям П.П.Ефименко и П.Н.Третьякова (1929 г), а также А.Н.Москаленко (1963 г) и А.Д.Пряхина (1966 г) на памятнике изучено 804 м², что является достаточно репрезентативной площадью (Пятьдесят полевых сезонов ..., 1997, с.153; Москаленко А.Н., 1964; Пряхин А.Д., 1967). Наиболее важные итоги работ опубликованы (Пряхин А.Д., Винников А.З., 1982, с.132-158).

Все исследователи отмечают, что на рассматриваемом памятнике выявлено крайне незначительное число фрагментов собственно салтовской керамики. Часто авторы даже не конкретизируют, какие именно это сосуды (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.75; Пряхин А.Д., 1967, с.12; Пряхин А.Д., Винников А.З., 1982, с.152; Винников А.З., 1990а, с.298). Общее их число составляет 1,5% (Москаленко А.Н., 1981, с.136). Однако среди боршевской лепной керамики попадают фрагменты и салтоидных горшков (тип 7) (рис.16, 12) (Винников А.З., 1982, с.168-169, рис.5, 19). Более того, 0,5% от общего количества фрагментов лепных боршевских горшков несет на себе традиционный для салтовских кухонных горшков “линейно-волнистый” го-

ризональный орнамент по тулову и никакой больше (!) (Винников А.З., 1978а, с.56-57).

Таким образом, керамические материалы, полученные при исследовании Малого Боршевского городища, свидетельствуют о том, что в его керамическом комплексе прослеживается, хотя и незначительно выраженный, макроуровневый синкретизм (как внешний, так и внутренний), а также микроуровневый (использование салтовского горизонтально прочерченного орнамента для украшения лепных боршевских сосудов). Все это лишь подтверждает общую межэтническую комплиментарность между славянами и соседним лесостепным населением, входящим в состав Хазарии.

Рассмотренные обстоятельства позволяют скорректировать вывод воронежских коллег о том, что это городище было форпостом донских славян на их границах с Хазарским каганатом (Пряхин А.Д., Винников А.З., 1982, с.152). Наличие форпоста предполагает противодействие; однако наличие форм горшков, возникших и используемых славянами под влиянием их южных соседей, говорит, скорее, о добрососедских отношениях между двумя группами этносов. Мы поддерживаем достаточно аргументированный вывод исследователей сер.ХХ в. о том, что Малое Боршевское городище возникает как своеобразные “выселки” Большого, которое возникло несколько ранее (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.75-76). Уровень и выраженность синкретичности керамических традиций обоих городищ, а также могильника лишь подтверждают этот вывод. Рассмотрим это подробнее.

Большое Боршевское городище

Данный памятник соседствует с выше описанным и дает керамические материалы еще более значимые для понимания межэтнических контактов на Среднем Дону. Городище неоднократно исследовалось: в первой половине минувшего столетия (А.А.Спицын – 1905 г, П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков – 1928-1929 гг), и в 1963 г. А.Н.Москаленко (Пятьдесят полевых сезонов ..., 1997, с.153; Москаленко А.Н., 1964). Материалы его опубликованы и проанализированы лишь частично (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.14-71; Москаленко А.Н., 1966а, с.127; 1981, с.47-49).

Здесь также как и на предыдущем памятнике выявлено незначительное количество салтовской гончарной керамики (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.40; Москаленко А.Н., 1981, с.136-139; Винников А.З., 1990а, с.298). Осмотр коллекций АМБУ позволил выявить не только фрагменты гофрированных амфор или чернолощеных кувшинов (рис.15, 8), что, безусловно, воспринимается

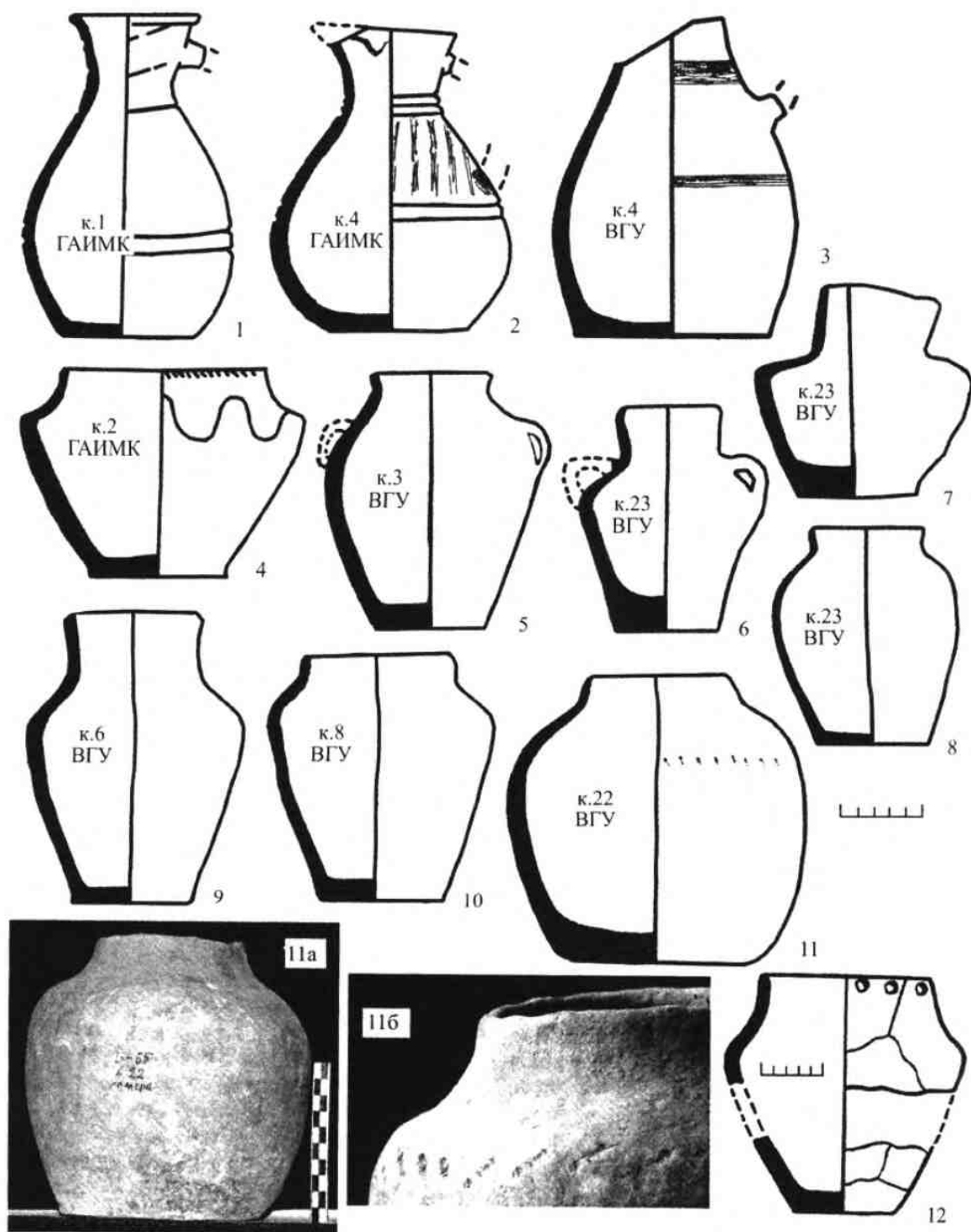

Рис. 16. Сосуды Боршевского могильника (1-11) и Малого Боршевского городища (12).
 Fig. 16. Vessels from the Borshevo burial ground (1-11) and Maloie Borshevo hillfort (12)

как импорт, но и некоторое количество обломков от салтовских гончарных кухонных горшков, сделанных из плотного, хорошо вымешанного теста, с традиционным горизонтально прочерченным орнаментом (рис.15, 9, 10, 14). Последние свидетельствуют о присутствии пусть ограниченного, но постоянного салтовского населения в славянской среде населения городища.

Еще исследователи первой половины XX в. выделили незначительную по количеству группу керамической посуды ("Г"). Ее отличительным признаком являлось то, что это были, как правило, крупные по размерам изделия, изготовленные на гончарном круге из грубой непромешанной глины с примесями дресвы и шамота и слабообожженные. Их орнамент состоял из прямых или волнистых горизонтально прочерченных линий (рис.15, 13). Авторы четко дистанцируют эту группу керамики от нижнедонских салтовских изделий, выделяя последние в отдельную группу "В" (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.42-44). Налицо явное заимствование местными мастерами-боршевцами технологии и орнаментальных мотивов салтовских, прежде всего аланских, мастеров при сохранении традиционной рецептуры теста и технологии печного (кострового) обжига. Необходимо отметить и тот факт, что такие во многом новационные изделия найдены в жилищах № 8 и № 18. В них, а также в соседствующих постройках № 17 и № 19 (славянских по конструкции) найдено наибольшее количество различного салтовского импорта (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.63-69). Кроме того, на данном городище обнаружены и боршевские лепные салтоидные горшки – тип 7 и тип 9, при орнаментации которых иногда использовалось сочетание салтовских горизонтальных прочерчиваний с косыми отпечатками гребенчатого штампа (Винников А.З., 1982, с.168-171, рис.6, 7, 8) (рис.15, 12, 15). Это является дополнительным свидетельством смешения двух этнических керамических традиций.

Все приведенное выше дает возможность говорить о более глубоком проникновении аланских керамических традиций в среду славянского населения Большого Боршевского городища, по сравнению с Малым Боршевским. Это косвенно объясняется его более долгим бытованием¹⁷, что способствовало и более тесным контактам местных жителей-славян с оседлым лесостепным населением каганата, вплоть до переселения части неславянского населения на Большое Боршевское городище. Косвенным подтверждением долгого совместного проживания представителей салтовской культуры на Большом Боршевском городище

может служить следующий факт: горизонтальные прямые и волнистые прочерчивания по тулову на лепных боршевских горшках здесь встречаются вдвое чаще, чем на Малом Боршевском (Винников А.З., 1978а, с.56-57). Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы памятника свидетельствуют о достаточно четких проявлениях внешнего и внутреннего синкретизма как на макро-, так и на микроуровнях. Посетителями новых веяний в технологии изготовления и орнаментации синкретичной керамики вполне могли быть семьи, проживавшие в жилищах № 8, 18 и 19.

Тесные контакты жителей обоих Боршевских городищ вплоть до проявления синкретизма в керамическом комплексе находят подтверждение и в материалах соседнего могильника.

Боршевский могильник

Это единственный славянский курганный могильник кон. I тыс. н.э., исследованный на Среднем Дону. Его раскопки начал еще в 1905 г А.А.Спицын, продолжили С.Н.Замятин (1922), П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков (1928, 1929), а во 2-й пол. XX в. – А.Н.Москаленко, А.Д.Пряхин, А.З.Винников, В.Н.Ковалевский (Пятьдесят полевых сезонов ..., 1997, с.153). К настоящему времени исследовано 37 курганов, материалы которых нашли свое отражение в разновременных публикациях (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948, с.79-91; Винников А.З., 1984б, с.8-44; Винников А.З., Пряхин А.Д., 1983, с.42-77).

В большинстве курганов найдена лишь славянская керамика, но в ряде погребальных комплексов выявлены интересующие нас артефакты: салтовская импортная посуда, салтоидные боршевские горшки и синкретичные сосуды (табл.5). Это составляет 26% курганов от общего исследованного числа, что значительно меньше показателя синкретичности верхнедонских боршевских могильников (Белогорский I – 66,6%, Белогорский II – 50% и Лысогорский – 49,7%). Первая группа представлена тремя гончарными кувшинами различной степени сохранности, изготовленными из тонкодисперсного теста (к.1 и к.4 из раскопок ГАИМК и к.4 раскопок ВГУ) (рис.16, 1-3). Вторая группа представлена лепными салтоидными горшками (типы 7-9); третья – традиционными боршевскими горшками с салтовским орнаментом и лепными местными изделиями, которые подражают салтовским гончарным сосудам. К последним из упомянутых относятся два двуручных сосуда (к.3 и к.23 – раскопки

¹⁷ Время бытования Большого Боршевского городища определяется его исследователями как IX-X вв., а Малого – лишь X в. (Москаленко А.Н., 1966а, с.127-128).

Табл.5. Салтовская, синкретичная и боршевская салтоидная керамика Боршевского могильника

№ кургана	Экспедиция	Керамика в погребении			Иллюстрации
		Салтовская	Синкретичная	Боршевская салтоидная	
1	ГАИМК	кувшин		горшок* (тип 4)	рис.16, 1
2	ГАИМК		горшок* (тип 4)**	3 горшка* (тип 4)	рис.16, 4
4	ГАИМК	кувшин		2 горшка (тип 4)	рис.16, 2
3	ВГУ		лепной сосуд с 2 ручками	баночный сосуд***	рис.16, 5
4	ВГУ	кувшин		миска, горшок (тип 4)	рис.16, 3
6	ВГУ			2 горшка (типы 5, 7)	рис.16, 9
8	ВГУ			горшок (тип 7)	рис.16, 10
22	ВГУ			горшок (тип 9)	рис.16, 11
23	ВГУ		лепной сосуд с двумя ручками и кувшинчик	2 горшка (типы 5, 8)	рис.16, 6, 7, 8

* – наличие кальцинированных костей в сосуде

** – салтовский волнистый прочерченный орнамент по плечу в сочетании с косыми отпечатками веревочного штампа

*** – морфологически близок горшкам, тип 7

ВГУ). Тулово одного из них по морфологическим признакам можно отнести к боршевским горшкам типа 7 (рис.16, 6), второго – к типу 8 (рис.16, 5). К этой же группе принадлежит и небольшой сосуд (к.23 – ВГУ), напоминающий кувшинчик (рис.16, 7), и лепной горшок типа 4а со смешанным салтово-роменским орнаментом (горизонтальная волнистая линия по плечу и косые отпечатки веревочного штампа по краю венчика) – к.2 из раскопок ГАИМК (рис.16, 4). В ряде погребений (к.6, 8, 22 и 23 – ВГУ) выявлены салтоидные горшки типов 7-9 (рис.16, 8-11).

Интересно отметить, что салтовские и синкретичные сосуды найдены лишь совместно с традиционной лепной боршевской посудой (преимущественно с горшками типа 4) и никогда не встречались самостоятельно. А вот салтоидные боршевские горшки выявлены дважды как единственные (к.8, 22 – ВГУ) и дважды с горшками типа 5 (к.6, 23 – ВГУ). В большинстве своем салтовские, салтоидные или синкретичные сосуды из могильника были свободны от костей (т.е. являлись сосудами для погребальной пищи) и лишь в двух комплек-

сах использовались в качестве погребальных урн (к.1 и 2 – ГАИМК), что сближает рассматриваемый памятник с Белогорским I и Лысогорским могильниками. Боршевский могильник сходен с Белогорским II и Лысогорским по наличию синкретичной керамики, хотя количественно уступает им по этому показателю.

Подводя итог рассмотрению синкретичных явлений в керамике Боршевского могильника, следует отметить, что он наиболее полно и разнообразно репрезентует влияние салтовских керамических традиций на боршевских памятниках Среднего Дона. Синкретизм здесь проявляется как внешний, на макроуровне, так и, что более важно, внутренний, на микроуровне. На макроуровне внутренняя синкретика проявилась в создании лепных двуручных сосудов и кувшина, а также в изготовлении салтоидных горшков. Это же явление на микроуровне представлено подражанием салтовской орнаментации при сохранении лепной технологии и типологии местных славянских горшков. Такая картина несколько не противоречит материалам Малого и особенно Большого Боршевских горо-

дич, а лишь дополняет и значительно расширяет возможности для выводов о широких контактах этой боршевской группы с населением Хазарии. Кроме того, это свидетельствует не только о существовании представителей различных групп славянского и алано-болгарского населения в рамках одной территориальной общины, но и о постепенном процессе взаимной ассимиляции разноэтничных групп в процессе совместного проживания, ведения хозяйства и семейно-брачных отношений, чего практически мы не наблюдаем на иных памятниках среднедонской группы славян. Однако это, в свою очередь, сближает Боршевское гнездо памятников с верхнедонскими (I и II Белогорский и Лысогорский могильники и соседствующие с ними городища боршевской культуры).

Второй предварительный вывод

В целом Среднедонская группа боршевских памятников количественно уступает Верхнедонской как в плане количества самих памятников, так и в плане проявления синкретичности керамического производства. Качественные же характеристики в своем большинстве сходны. Здесь также есть проявления технологического, морфологического и декоративного влияния салтовского керамического производства в целом на эту группу славян. Проанализированные артефакты свидетельствуют о долговременных, но более сдержанных контактах между славянским и алано-болгарским миром. Причина этого кроется, по нашему мнению, в более сложных, но все же в большинстве своем мирных отношениях населения двух этнических массивов: восточных славян-боршевцев и алано-болгарского населения лесостепной Хазарии. Вероятно, относительная близость гнезда раннеславянских памятников у с. Боршево к основному массиву боршевских памятников (а, соответственно, большая удаленность от непосредственной зоны хозяйственных интересов салтовского населения) послужили основой более мирных отношений и, как следствие, более тесного сближения разноэтничного населения Большого и Малого Боршевских городищ с выходцами из Хазарского каганата.

Заключение

Сравнительный анализ керамического комплекса как отдельных памятников, так и группы памятников в целом дает прекрасную возможность проследить процессы культурных влияний между этносами, особенно это касается контактных зон, что мы и пытались осуществить на примере боршевской культуры. В силу того, что керамическая посу-

да является наиболее массовой группой артефактов, полученные результаты должны учитываться при восстановлении или моделировании социокультурных и этнополитических процессов в древних обществах. Подобное выявление инновационных черт в материальной и духовной культуре исследуемого общества (археологической культуры, региона) можно и необходимо проводить на различных категориях археологических объектов (жилые и хозяйственные постройки, обогревательные устройства, погребальные сооружения и т.п.), что позволит обогатить и скорректировать наши знания о прошлом.

В целом же, рассмотренные керамические материалы свидетельствуют, что славянское (боршевское) население Дона испытывало на себе значительно большее влияние со стороны салтовских (прежде всего, аланских) керамических традиций, чем это проявляется в Поднепровье. Об этом говорят данные о составе, процентном соотношении и качестве их керамического комплекса (использование привозных салтовских или причерноморских сосудов, изготовление салтоидных горшков и сосудов синкретичных форм, проявление синкретики в орнаментации боршевской посуды). Все это позволяет с уверенностью говорить не только о сосуществовании донских славян и соседствующих с ними племен Хазарского каганата, но и о культурном, а также этническом смешении части населения в зоне преимущественно славянского заселения.

Анализ керамического материала позволяет наметить опорные пункты наиболее тесных славяно-аланско-болгарских контактов, к каким относится ряд микрорегионов: Первое Белогорское городище и два Белогорских могильника (I и II); Кузнецовское городище с Лысогорским могильником, а также комплекс из двух Боршевских городищ и могильника. Именно эти очаги поселений играли важную роль в транзитной торговле, какую вело население Хазарии по Дону и его притокам, вовлекая в торгово-обменные отношения трансевразийского характера и восточнославянский мир (северян, вятичей и, в определенной степени, радимичей).

Причина разнообразного по количеству и качеству влияния салтовской керамической традиции на боршевское население в целом кроется в его более высокой технологии и организации производства посуды, что позволяло изготавливать более качественные изделия, способные преодолеть традиционные взгляды на керамику и соседних славянских племен. Салтовское население несло в славянский мир новые технологии в изготовлении посуды, новые возможности орнаментации, новую организацию процесса, подталкивая соответствующие новации и в довольно традиционном мире донских славян. Это было бы практически невозможно без постоянного присутствия в среде местного

славянского населения алан и болгар – носителей этих традиций – производителей и потребителей качественной керамики. Местные мастера иногда пытались скопировать иноэтничные образцы посуды, но чаще старались переосмыслить пришедшие традиции и применить их в своих изделиях. Особенно заметно этот поиск проявляется в эстетической (орнаментальной) сфере.

Артефакты свидетельствуют, что более комплиментарными и тесными с алано-болгарским миром были отношения верхнедонской группы славян рассматриваемой боршевской культуры, хотя среднедонская непосредственно граничила с Хазарией. Это выражается не только в большем количестве памятников с синкретичной керамикой, но и в более разнообразном количественном и качественном проявлении синкретизма. Причина, на первый взгляд, парадоксального явления кроется, по нашему мнению, в следующем. Во-первых, верхнедонское население не вступало в непосредственный территориальный контакт с салтовским населением и не могло претендовать на его хозяйственные территории вблизи северо-западных пределов каганата, а поэтому ему практически удавалось избежать конфликтов, свойственных приграничным территориям. Во-вторых, с точки зрения организации евразийской торговли верхнедонские памятники были ближе к рынкам сбыта товаров, шедших с юга и востока через Хазарию, и более подходили в качестве сво-

образных перевалочных пунктов (по тем же причинам их могли вполне использовать и как перевалочные пункты для собранной с вятичей хазарской дани). В-третьих, славянское население памятников Верхнего Дона еще на этапе своего формирования познакомилось с аланскими керамическими традициями посредством вольнцевской керамики.

Отличием боршевского керамического комплекса на Среднем Дону является полное отсутствие влияния керамических традиций вольнцевской культуры. Это, в свою очередь, может служить косвенным показателем пределов продвижения ее носителей в славянский мир Подонья: лишь до места впадения р.Воронеж в Дон.

Отметим также, что в отличие от верхнедонского региона на памятниках Среднего Дона отсутствуют фрагменты салтовских сосудов в насыпи курганов. Это косвенно подтверждает более тесную и мирную связь боршевского населения, жившего по берегам Верхнего Дона и р.Воронеж, с населением северо-западной Хазарии.

Все проанализированное и изложенное выше свидетельствует о мирных, добрососедских отношениях между двумя значительными этническими массивами. Безусловно, многовековое соседство невозможно без конфликтов, которые, порой, чрезмерно преувеличиваются в исторической научной и учебной литературе с опорой лишь на письменные источники.

Литература и архивные материалы

- Бессуднов А.Н., Кузнецова С.Е.,** 1987. Охранные раскопки на Лысогорском могильнике// Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Винников А.З.,** 1971. Отчет славянского отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1970 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 155.
- Винников А.З.,** 1972. Керамика Малого Боршевского городища// Из истории Воронежского края. Вып.4. Воронеж.
- Винников А.З.,** 1973. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1972 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 157.
- Винников А.З.,** 1974а. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1973 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 6044.
- Винников А.З.,** 1974б. Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII-X вв. (по керамическому материалу). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.
- Винников А.З.,** 1976. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1974 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 81.
- Винников А.З.,** 1977а. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1976 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 8.
- Винников А.З.,** 1977б. Славянское городище на Белой горе под г.Воронежем// Из истории Воронежского края. Вып.6. Воронеж.
- Винников А.З.,** 1978а. Орнаментация боршевской керамики// Древняя Русь и славяне. М.
- Винников А.З.,** 1978б. Отчет о раскопках Животинного городища в 1977 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 6733.
- Винников А.З.,** 1979а. Белогорский курганный могильник конца I тысячелетия н. э. на р.Воронеж// Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Винников А.З.,** 1979б. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета в 1978 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 7057.

- Винников А.З.**, 1980. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1979 году// ИА АМБУ. Р-1. № 21.
- Винников А.З.**, 1981. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1980 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 29.
- Винников А.А.**, 1982. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э.// СА. № 3.
- Винников А.З.**, 1983а. Некоторые вопросы технологии производства славянской керамики Подонья в конце I тыс. н.э.// Древние памятники территории Восточной Европы. Воронеж.
- Винников А.З.**, 1983б. Отчет о раскопках Животинного городища в 1982 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 9994.
- Винников А.З.**, 1984а. Отчет о раскопках Животинного городища в 1983 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 70.
- Винников А.З.**, 1984б. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
- Винников А.З.**, 1985а. Отчет о раскопках Животинного городища в 1984 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 49.
- Винников А.З.**, 1985б. Этнический состав населения на р. Воронеж в конце I тысячелетия н.э.// Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.
- Винников А.З.**, 1986. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1985 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 58.
- Винников А.З.**, 1987. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1986 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 70.
- Винников А.З.**, 1990а. Древнерусское население Лесостепного Дона в VIII – нач. XIII вв. Дис. ... докт. истор. наук. Рукопись. Воронеж.
- Винников А.З.**, 1990б. Контакты донских славян с алано-болгарским миром// СА. № 3.
- Винников А.З.**, 1990в. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1989 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 16771.
- Винников А.З.**, 1991. Древнерусское население Лесостепного Дона в VIII – нач. XIII вв. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М.
- Винников А.З.**, 1992. Памятники VIII – первой половины XI в.// Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж.
- Винников А.З.**, 1995. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.
- Винников А.З., Пряхин А.Д.**, 1983. Боршевский курганный могильник на р. Дон// Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Винников А.З., Сипюк А.Т.**, 2003. Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.**, 1948. Древнерусские поселения на Дону// МИА. № 8.
- Ковалевский В.Н.**, 1997. Отчет о раскопках городища у с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области в 1996 году// ИА АМБУ. Р-1. № 131.
- Ковалевский В.Н.**, 1998. Отчет о раскопках у с. Староживотинное славянского городища в 1997 году// ИА АМБУ. Р-1. № 135.
- Кожин П.М.**, 1989. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов// Керамика как исторический источник. Новосибирск.
- Колода В.В.**, 1999. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков.
- Колода В.В.**, 2001. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Кукушкин В.С., Столяренко Л.Д.**, 2000. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов-на-Дону.
- Матвеев Ю.П.**, 1996. Отчет о раскопках городищ “Егерский кордон” и “Кузнецовское” в 1995 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 127.
- Москаленко А.Н.**, 1952. Архангельское (Гольшевское) городище// КСИИМК. Вып.48.
- Москаленко А.Н.**, 1953. Отчет о раскопках 1952 г. в Воронежской области// Архив ИА РАН. Р-1. № 723.
- Москаленко А.Н.**, 1954. Отчет об археологических раскопках Архангельского городища, Гремяченский район Воронежской области, в 1953 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 870.
- Москаленко А.Н.**, 1956. Раскопки на Архангельском городище в 1952-1953 гг.// КСИИМК. Вып.62.
- Москаленко А.Н.**, 1964. Отчет к открытому листу № 128 на право производства археологических раскопок славянских памятников в Воронежской и Орловской областях в 1963 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 2669.
- Москаленко А.Н.**, 1965. Городище Титчиха. Из истории древнерусских памятников на Дону. Воронеж.
- Москаленко А.Н.**, 1966а. О возникновении древнерусских поселений на Дону// Вопросы истории славян. Вып.2. Воронеж.
- Москаленко А.Н.**, 1966б. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1965 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 3.
- Москаленко А.Н.**, 1968. Отчет к открытому листу № 89 на право производства археологических раскопок на Белогорском городище и Белогорском могильнике Рамонского района Воронежской области в 1967 г.// ИА АМБУ. Р-1. № 184.

- Москаленко А.Н., 1981. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж.
- Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи// МИА. № 75.
- Пряхин А.Д., 1967. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского университета за 1966 г./ НА АМВУ. Р-1. № 181.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафронов И.Е., Цыбин М.В., 1997а. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа. Вып.2. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1997б. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г.Воронежа. Вып.1. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Винников А.З., 1982. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р.Дон// Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета, 1997// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.10. Воронеж.
- Рыбаков Б.А., 1969. Путь из Булгара в Киев// Древности Восточной Европы. М.
- Рындина Н.В., 1965. Заключение об оптическом исследовании шлаков с городища Титчиха// Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских памятников на Дону. Воронеж.
- Синкретизм, 1976// БСЭ. Т.23. М.
- Цыбин М.В., 1997. Отчет об исследовании Кузнецовского и Лысогорского могильников у северной окраины г.Воронежа в 1996 г./ Архив ИА РАН. Р-1. № 176.

Summary

V.V.Koloda (Kharkov, Ukraine)

SALTOV POTTERY MANUFACTURE INFLUENCE ON CERAMIC CORPUS OF BORSHEVO CULTURE OF DON REACHES

The paper is devoted to studying the ceramic corpus of the Don Slavs (Borshevo archaeological culture – the 8th – the early 11th AD) and tracing the influence of pottery traditions of Saltov archaeological culture (the mid. 8th – the mid. 10th AD) on this corpus. In this work macrolevel and microlevel analyses were used to seek the outside and inside syncretism.

The examined finds indicate that Slavonic population of the Don underwent the influence of Saltov (Alan mainly) ceramic traditions which is manifested in the use of imported Saltov and Northern-Black-Sea-Littoral vessels, the manufacture of Saltov-like pots and vessels of syncretic forms, syncretism in Borshevo pottery design. All this permits to assert not only the coexistence of the Don Slavs and Khazar tribes neighbouring with them, but also ethnic and cultural intermixture of a part of the population in the area of predominantly Slavonic settlement.

The analysis made enables us to outline the pivots of the closest Slav-Alan-Bulgarian contacts which include the following microregions: the Ist Belogorsk hillfort and two Belogorsk burial grounds (I and II); Kuznetsovskoye hillfort with Lysogorskiy burial ground, and also the complex of two Borshevo hillforts and a burial ground. These settlements played an important role in transit trade of the Khazars along the Don River and its tributaries involving the East Slavonic world (the Severiane, the Viaticchi, and, to a certain extent, the Radimichi) into trans-Eurasian trade and exchange relations.

The Upper Don Slavonic group had closer relations with the Alan-Bulgarian world. An important distinction of Borshevo ceramic complex on the Medium Don is a lack of the influence of Volyntsevo culture. In its turn, this may serve as an indirect indication of the limits of the advancement of Volyntsevo culture into the Slavonic world of the Don reaches which reached the point where the Voronezh River flows into the Don.

All the above testifies to peaceful and neighbourly relations between the two large ethnic bodies. Undoubtedly, a centuries-old neighbourhood can hardly proceed without conflicts, which sometimes are exaggerated in historical learned and educational literature based solely on written sources.

Статья поступила в редакцию в октябре 2008 г